

The background of the cover is a detailed illustration of two men in 18th-century attire engaged in a sword fight on a rocky, grassy hillside. The man on the left wears a black tricorn hat and a dark coat, while the man on the right has a powdered wig and a similar coat. They are both holding long, thin swords. The scene is set against a backdrop of misty, rolling hills. The overall color palette is muted, with greys, browns, and soft blues.

БРАЙАН
МАККЛЕЛЛАН

BOOKTRAN

ОТРЕКШАЯСЯ

ЦИКЛ «ПОРОХОВОЙ МАГ»

Эрика-же-Леора – пороховой маг. Но в Кезе подобный вид магии карается смертью. Ее единственная защита – знатное имя и положение наследницы герцогства.

Когда она решает помочь приговоренной к смерти маленькой простолюдинке, то подвергает опасности не только репутацию семьи, но и собственную жизнь. По пути в Адро ей придется сыграть в кошки-мышки с охотниками на магов и их предводителем, герцогом Никслаусом.

Время действия – за тридцать пять лет до событий «Кровавого завета».

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: marmax, Anahitta, zhuzh, igorShap

Локализация обложки: zhuzh

Booktran, 2017 г.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Ветер кружил опавшие листья, наполняя лес сухим шелестом. Эрика натягивала тетиву лука, пока оперение не защекотало щеку, и с выдохом выпустила стрелу.

Та слегка задела корень дерева в сорока футах впереди и влетела в кусты. Белка, в которую целилась Эрика, шмыгнула на дерево, сердито застрекотав. Эрика вытянула из колчана еще одну стрелу, наложила на тетиву и снова выстрелила.

Стрела глухо ударила в ветку прямо под пушистым беличьим хвостом. Эрика потянулась за следующей стрелой, но грызун уже скрылся в безопасности гнезда.

– Вы в потрясающей форме, – прокомментировал строгий голос. – Ваша скорость восхитительна, а движения точны. Недостаток только один: вы промахнулись.

Эрика сердито глянула через плечо на учительницу фехтования – женщину лет пятидесяти, с пронизательными глазами на обветренном лице и седыми прядями в каштановых волосах. Сантиоль была примерно одного роста с Эрикой, но благодаря чопорной осанке казалась намного выше. Она имела обыкновение задираť свой острый нос, что производило впечатление на людей, однако Эрику только раздражало. Пятнадцать лет в качестве наставницы Эрики ничуть не смягчили едкого юмора Сантиоль. Она всегда точно знала, что сказать, чтобы задеть свою подопечную.

– Я бы попала, если бы вы не скрипели седлом, распугивая мои мишени.

Лошадь Сантиоль нетерпеливо вскинула голову, и наставница пошевелилась в седле, исторгнув очередной громкий скрип.

– Вы должны научиться стрелять, когда вас отвлекают.

Взгляд Эрики остановился сначала на мушкете, перекинутом через луку седла Сантиоль, затем на пистолете у нее за поясом. Руки так и чесались отправиться на охоту с тем или другим. За все девятнадцать лет жизни ей ни разу этого не позволили. Ей не разрешалось брать в руки огнестрельное оружие, даже незаряженное.

Это нарушение закона.

– Подберите стрелы, – сказала Сантиоль. – Нам скоро возвращаться.

До поместья Леора час езды, и если они поторопятся, то как раз успеют привести себя в порядок перед ужином. Эрика закинула лук на плечо и направилась к деревьям.

Пошарив в кустах ежевики, она отыскала первую стрелу, но порвала свой охотничий дублет. Бабушка непременно заметит. Потом вернулась к дурацкому дереву и взобралась на пятнадцать футов, чтобы вытащить из толстой ветки вторую стрелу.

«Видела бы меня мама, ее бы удар хватил», – подумала Эрика, карабкаясь за стрелой. Мать отчитала бы Сантиоль, а та, спокойно выслушав тираду, ответила бы, что кезанская герцогиня должна уметь позаботиться о себе. Потом вмешался бы отец и сказал матери оставить бедную наставницу в покое, а...

Мысли Эрики прервались, когда она разглядела что-то в глубине леса – едва уловимое движение среди красных и бурых опавших листьев.

Она вытащила стрелу и спустилась на землю, где нетерпеливо ждала Сантиоль. Та уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но Эрика ее перебила:

– Привяжите лошадей и идите со мной.

Наставница помедлила мгновение, но спешила и быстро привязала обеих лошадей.

– В чем дело?

– Точно не знаю, – сказала Эрика – Я что-то видела. Кого-то.

– Я пойду первая.

Взяв мушкет наизготовку, Сантиоль крадучись углубилась в заросли. Ни один листок не шелохнулся. Эрика шла следом, наложив стрелу на тетиву. Они пересекли

высохшее русло ручья и вышли на поляну ярдах в сорока от дороги. Сантиоль закинула мушкет на плечо.

– Ребенок.

У дуплистого дерева, прижав колени к груди, сидела девочка лет двенадцати, чуть светлее русоволосой Эрики. Шерстяное летнее платье измазалось в грязи. Голые ступни обмотаны оторванными от подола полосками. Самодельные бинты пропитались кровью.

– Госпожа, – начала Сантиоль, но Эрика уже шла через поляну к девочке.

– Ни шагу больше. – У девочки получился только хриплый шепот, но слова – и выражение лица – были до крайности серьезны.

Она утерла круглый носик и сморгнула слезы с карих глаз. На левой щеке красовались свежие порезы, обе руки покрывали царапины от ежевичных колючек. Девочка выставила вперед руку с перочинным ножом.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Эрика.

– Уходите.

– Тебе нужна помощь?

– Я сказала, уходите.

– Посмотрите на ее ноги, – прошептала Эрика наставнице.

Сантиоль настороженно разглядывала девочку.

– Она долго шла. Единственный город в радиусе тридцати миль – Бедланд. Она не местная. Мы бы ее узнали.

– Приехала к родственникам? – спросила Эрика у Сантиоль. – Может, потерялась?

Эти земли принадлежали деду и бабке Эрики, и она хорошо знала окрестности, но до Сантиоль ей было далеко.

– Нет, – ответила та. – Вряд ли.

– Не говорите обо мне, будто я вас не слышу, – сказала девочка. Острие ее перочинного ножа не дрогнуло. – Я здесь.

– Откуда ты? – спросила Эрика.

– Уходите.

– Куда ты идешь?

– Никуда. Не ваше дело.

Эрика расправила плечи, ее терпение подходило к концу. Эта земля принадлежит ее семье, так что это ее дело и она получит ответы.

Сантиоль коснулась ее руки и, наклонившись, прошептала на ухо:

– Посмотрите на ее правое плечо.

Эрика разглядела частично скрытый под волосами и толстым слоем грязи шрам. Темный и воспаленный, примерно с палец длиной, в форме мушкета.

– О Кресимир, – выдохнула она.

Не шрам. Клеймо. Клеймо порохового мага, приговоренного королевским указом к повешению.

– Мы обязаны выдать ее, – осторожно сказала Сантиоль.

Эрика резко развернулась к наставнице и уставилась на нее с горькой смесью гнева и возмущения.

– Впрочем, не думаю, что вы это допустите. – Сантиоль выругалась себе под нос. – За ней будут охотиться.

Эрика это знала. Также она знала, что королевским охотникам на магов – или, как их неофициально называли, королевским Гончим – плевать на то, что это всего лишь ребенок. Пороховой маг есть пороховой маг. Они будут преследовать девочку по всему Кезу, и никто ей не поможет. На самом деле, большинство выдадут ее, надеясь на щедрое вознаграждение.

– Я не оставляю ее здесь, – сказала Эрика.

Однажды, когда она была чуть младше этой девочки, она заблудилась в лесу. И до сих пор иногда просыпалась посреди ночи в холодном поту, мучимая воспоминаниями о лабиринте деревьев и страхе перед наступающей темнотой.

– У нас нет выбора. – В голосе Сантиоль слышалась жалость. – Если нас поймают...

– Один раз она уже сбежала от Гончих. Она прошла Кресимир знает сколько миль и явно направляется на север. Если у этой девочки хватает смелости в одиночку пересечь северные горы в надежде добраться до Адро, я ей помогу.

– Это очень глупо, – вздохнула Сантиоль.

– О чем вы говорите? – требовательно спросила девочка, медленно отползая прочь. – Оставьте меня. Я вооружена!

Эрика окинула ее взглядом, а потом подошла и села на корточки, но так, чтобы девочка не могла до нее дотянуться.

– Тебе ни за что не перейти горы в одиночку.

– Я иду на юг, – возразила девочка.

– Нет. Ты идешь на север, в Адро, где пороховых магов не убивают. Я могу помочь тебе добраться туда целой и невредимой. Или, – небрежно добавила Эрика, словно ей все равно, – ты можешь остаться здесь и посмотреть, что убьет тебя первым – зима или Гончие.

– А вам какое дело? – огрызнулась девочка.

– Как тебя зовут? – улыбнулась ей Эрика.

– Сначала вы скажите.

– Меня зовут Эрика-же-Леора. – Она оттянула вниз воротник сорочки, открыв клеймо прямо над левой грудью, такое же, что и у девочки, только меньше. Его легче было скрыть. – И я тоже пороховой маг.

Девочка пошла следом за ними к дороге. Она держалась на расстоянии, словно в любую секунду готова была удрать. Когда они вышли к дороге, она осталась в тени деревьев, не выпуская ножик из рук. Она прихрамывала, хотя хорошо это скрывала. Наверняка каждый шаг причинял ей боль.

– Я слышала про вас, – сказала девочка.

Эрика удивилась бы обратному. Среди аристократов пороховые маги были редкостью.

– Надеюсь, хорошее?

– Только что вы Отрекшаяся, – фыркнула девочка. – Вы можете прятать свое клеймо.

– Да. Потому что я наследница герцогства. – Только спустя мгновение Эрика поняла, как ужасно несправедливо прозвучали ее слова: аристократка-пороховой маг может жить в безопасности, в то время как простолудинов преследуют и казнят. – Вот почему у меня это. – Она показала лук. – Мне запрещено прикасаться к мушкету.

«И вообще к пороху».

Пороховые маги управляли энергией пороха и употребляли его, чтобы обострить чувства и увеличить силу и скорость. Их считали чрезвычайно опасными, и больше всех их ненавидел королевский совет Избранных – магов, управляющих стихиями, – и его свора Гончих.

Эрика поняла, что ее замечание насчет пороха было бы не слишком утешительным. Девочка спасалась бегством из-за преступления, в котором не виновата.

– Идем с нами, – сказала она. – Можешь ехать со мной.

Девочка покачала головой:

– Я... нет. Мне нельзя идти по дорогам.

– Я защищу тебя.

– Мой брат тоже так говорил. И они его убили.

Эрика не нашла, что ответить.

– Всадники на дороге. – Сантиоль сняла с плеча мушкет.

Эрика повернулась к девочке, чтобы велеть ей спрятаться, но та уже скрылась среди деревьев. Эрика выругалась вполголоса и повернулась обратно. С юга, из-за поворота показалась пара лошадей.

Когда всадники приблизились, Эрика разглядела, что оба мужчины вооружены шпагами. Ни пистолетов, ни мушкетов. Один пузатый и широкоплечий, второй худой как палка и сутулый. Они носили зелено-коричневую форму королевской Великой армии, но белые перевязи на груди свидетельствовали об особом поручении. На перевязях были вышиты поджарые узкомордые псы, от которых Гончие и получили свое прозвище.

Эрике стало не по себе.

– Эй, женщина, – обратился толстяк к Сантиоль. – Что вы делаете на королевском тракте?

– Мы охотимся, – ответила Сантиоль. Большим пальцем она поглаживала курок, но держала мушкет стволом в землю.

– Кто разрешил?

– Герцог Леора.

– У вас есть документы?

Сантиоль достала бумаги из кармана куртки и передала всадникам. Худой просмотрел их, тихо проговаривая вслух, а потом вернул Сантиоль и кивнул напарнику.

– Похоже, все в порядке, – с сожалением произнес толстяк. – Видели в округе кого-нибудь чужого?

– Нет, – ответила Эрика. – А что?

– Я тебя не спрашивал, девчонка, – сказал толстяк. – Не лезь во взрослые разговоры.

Худой наклонился и ударил напарника в плечо. Тот громко выругался.

– Не следует так разговаривать с наследницей герцогства, – сказала Сантиоль.

– Я вправе выбить вам зубы.

– Ой. – Толстый пробурчал извинения и сердито глянул на напарника.

– Вы кого-то разыскиваете? – спросила Эрика.

– Опасного беглеца, миледи. Порохового мага.

– Кресимир милостивый, надеюсь, вы его найдете.

Худой прочистил горло.

– Миледи, прошу прощения, нам нужно отойти на минутку.

Мужчины отъехали посоветоваться. Сантиоль хмуро смотрела на них, лениво баюкая мушкет на одной руке, слегка касаясь большим пальцем курка.

Эрика отвернулась от мужчин и полезла в карман. Незаметно достала табакерку и большим пальцем подцепила крышку.

– Что вы делаете? – прошептала Сантиоль. – Если они увидят...

Эрика поднесла к носу щепотку пороха, вдохнула и вздрогнула, когда по телу прокатилась волна тепла – смесь эйфории и тошноты. Порох начал действовать, обострив ее чувства, и мир превратился в поток звуков, запахов и образов. До ее слуха донеслись голоса Гончих.

– ...кто она?

– Понятия не имею.

– Наследница герцогства Леора. То самое пороховое отродье, про которое все время болтает герцог.

– Думаешь, она прячет девчонку?

– Бездна, мы даже не знаем, где девчонка – здесь или за двадцать миль отсюда. Как знать, она могла повернуть и на северо-запад.

– И что теперь?

– Что теперь? Олух, если мы укокошим девку, герцог закатит нам целый парад. Он ненавидит, когда знати удастся избежать наказания только из-за своего происхождения.

– Это очень рискованно. С ее компаньонкой лучше не зевать.

Подслушивание прервала Сантиоль. Наставница шагнула ближе и тихо сказала:

– Давайте просто сядем на лошадей и уедем. Мы не можем рисковать и помогать девочке, пока они тут рыщут.

– А если они ее найдут и она расскажет, что мы предлагали ей помощь?

– Будем все отрицать. Нет никаких доказательств.

– Вообще-то, они обсуждают, не убить ли меня.

В ответ Сантиоль только моргнула.

– Худой предлагает выдать это за несчастный случай. Толстый говорит, что можно подбросить мне пороха и сказать, что это была самооборона.

– Проклятая бездна, – вздохнула Сантиоль. – Берите на себя толстого.

– Что вы имеете в виду?

– Стреляйте ему в грудь.

Эрика и подумать не могла о том, чтобы по-настоящему убить кого-то.

– Но я...

– Никаких «но». Вы будете кезанской герцогиней. И не впервые на ваших руках окажется кровь.

Сантиоль заправила прядь волос за ухо и вышла на середину дороги:

– Белка! Вон там, на дереве!

Эрика сняла с плеча лук и натянула тетиву.

– И что это вы делаете? – спросил худой.

– Учю госпожу убивать вредителей, – ответила Сантиоль.

Эрика прицелилась в воображаемую белку в лесу, потом повернулась к толстяку и выпустила стрелу.

Стрела вошла в тело прямо под сердцем. Мужчина потрясенно уставился на деревко. Воздух разорвал треск мушкетного выстрела, и над Сантиоль поднялся дымок. Худой мужчина рухнул лицом вперед, успев наполовину вытащить клинок из ножен, и Сантиоль поспешила схватить поводья до того, как лошадь понесет прочь.

Она стянула оба тела с седел и отпустила лошадей. Те галопом поскакали обратно по дороге. Выдернув стрелу из груди толстяка, она передала ее Эрике.

– Почистите ее.

Худой мужчина определенно умер, а вот толстый нет. Эрика зачарованно наблюдала за тем, как поднимается и опадает его пузо, а изо рта и носа, пузырясь, течет кровь. Сантиоль достала пистолет, проверила заряд, прицелилась в рану от стрелы и нажала спусковой крючок. Толстяк дернулся, испустил мучительный стон и забил руками по земле. Сантиоль нагнулась и ножом завершила начатое.

– А вот так убивают собаку, – сказала она, вытирая нож о штаны мертвеца.

– Зачем вы выстрелили в него?

– Чтобы скрыть рану. Так никто не узнает, что его убили стрелой. Это вызвало бы много подозрений.

– А. Спасибо.

Эрика прерывисто вздохнула. Бездна, о чем она только думала? Двое королевских Гончих, мертвые у ее ног. Она попыталась подавить нарастающую панику, глубоко дыша и мысленно считая до ста. «Это была самооборона», – убеждала она себя. Эти двое преследовали ребенка и задумали убить ее, внучку кезанского герцога! Они получили по заслугам.

Девочка вышла из леса, шурша сухими листьями. В ее волосах запутались ветки и колючки. Не отрывая глаз от двух трупов, она приблизилась к Эрике.

– Вы защитили меня.

«Я защищала себя».

Ничего бы не случилось, если бы Эрика не остановилась помочь девочке. Она была бы уже на пути к поместью деда, пребывая в счастливом неведении относительно Гончих и сбежавшего порохового мага, и на ее руках не было бы крови. Ее интересовало бы только, что повар приготовил на ужин.

А теперь она увязла по уши. И нет пути назад.

Норрин не могла отвести взгляд от двух тел. Мужчины лежали бок о бок на дороге, темно-алые ручейки пропитывали пыль. Старшая женщина, Сантиоль, перезарядила мушкет, опираясь одной ногой на живот толстяка, будто он какой-то охотничий трофей. Она тихонько напевала себе под нос. Это напомнило Норрин, как, бывало, напевал па, свежая мелкую дичь, которую приносил с охоты.

Она узнала толстого мужчину. Он убил Филли. Пронзил ему грудь шпагой и оставил лежать прямо на улице около тюрьмы.

Это произошло меньше двух недель назад. У нее до сих пор стояло перед глазами, как Филли лежит там, истекая кровью, и тянет руку к Норрин, словно умоляя ее вернуться за ним. Он велел ей бежать, после того как обманул Гончих и освободил ее. Сказал, что отвлечет их.

Спрятавшись в высокой траве в сотне ярдов, она смотрела, как он умирает.

Наверное, он думал, что его посадят в тюрьму на несколько лет. Может, отрубят руку. Глупый Филли. Он всегда думал сердцем, а не головой. Он помог сбежать пороховому магу. Быстрая смерть была для него милосердием.

Шмыганье Эрики вернуло Норрин к действительности. Она озадаченно посмотрела на аристократку – Отрекшуюся. Все благородные такие неженки? Норрин привыкла к крови и трупам. Па был лесником. Кровь на его штанах и куртке принадлежала животным, но кровь лисы или бобра ничем не отличается от человеческой. Эрика выглядела потрясенной из-за того, что произошло.

Норрин подумала было взять ее за руку. Так делал па, когда Норрин боялась. Но ма говорила, что аристократы не любят, чтобы к ним прикасались простолюдины.

– Я Норрин.

– Эрика, – еле слышно ответила аристократка, хотя уже представилась раньше. Она оторвалась от мертвых Гончих и опустилась на колени рядом с Норрин. – Не бойся.

– Я и не боюсь, – сказала Норрин, хотя на самом деле боялась.

Конечно же она боялась. Она сделала все, что могла, чтобы сбить их со следа. Одной лишь силой мысли взорвала бочонок пороха недалеко от их лагеря – возбуждение все еще наполняло ее тело, – а затем вернулась по собственным следам, чтобы запутать погоню. Оторвалась от собак, двигаясь вверх по реке на юг, потом еще раз повернула назад. Она избегала дорог, городов и даже уединенных ферм. Но каким-то образом Гончие все равно ее выследили.

«Думай как зверь», – всегда говорил па, когда учил ее быть лесником. Учил, как выслеживать дичь, ставить ловушки на бобров, перехитрить лис. Даже как избежать встречи с пещерными львами, которые иногда спускались с гор.

Этого оказалось недостаточно. А теперь эта аристократка убила двух охотников на магов и предложила помочь ей добраться на север, в Адро, где, как обещал Филли, пороховые маги не были вне закона.

Сантиоль достала из мундиров мужчин кошельки, бросила их в грязь и отошла от тел.

– Будет выглядеть как ограбление, – сказала она. – Преступники сбежали, когда поняли, на кого напали. Кстати, хороший выстрел. Лучше бы на дюйм выше, но все равно хороший.

– Я засомневалась, – ответила Эрика.

– В первый раз со всеми бывает. Будь по-другому, значит, с вами что-то не так.

Сантиоль едва замечала Норрин, отчего та нервничала. Похоже, старшей женщине не по душе идея помогать пороховому магу. С другой стороны, а кому это понравится? С малых лет Норрин учили, что пороховые маги – зло. Только память об убийстве Филли не позволяла ей сдаться.

Норрин рассматривала Эрику. Той могло быть лет двадцать или двадцать пять, но Норрин не слишком хорошо умела определять возраст. Милое личико с чистой кожей, слегка вздернутым носиком и голубыми глазами. Русые волосы. Можно ли ей доверять? У нее клеймо, и Норрин слышала ее имя раньше. Отрекшаяся наследница герцогства Леора.

Может, это ловушка. Па всегда говорил, что люди гораздо коварнее животных, потому что их коварство жестоко, тогда как звери всегда честны, даже если хитрят.

Норрин потянулась вперед чутьем. У Сантиоль был порох. Полный пороховой рожок, а также несколько готовых пороховых зарядов для мушкета и пистолета. Норрин могла бы поджечь их силой мысли, убить обеих женщин и сбежать в горы. Если это ловушка, то поступить так безопаснее, чем идти с ними.

Норрин почувствовала кое-что еще. Тоже порох. Но не у Сантиоль.

У Эрики.

Не много. Не больше, чем на пару зарядов. Но она носит с собой порох. Это несколько взбудоражило Норрин. Похоже, Эрика уже нарушила свою клятву, чего не допустили бы никакие Гончие, случись им оказаться на пути. Может быть, ей можно верить.

Размышления Норрин прервал голос Эрики:

– Давай подумаем, как переправить тебя в Адро.

Эрика оставила Сантиоль и Норрин в лесу примерно в часе езды от поместья, а сама поехала дальше, зная, что к тому времени, как она вернется, слуги уже будут убираться в столовой.

Но это волновало ее меньше всего. На лужайку легла тень, солнце почти скрылось за деревьями. Эрика ехала по гравийной дорожке к огромному особняку и беспокоилась о том, что кто-нибудь мог заметить их вместе с девочкой.

Достаточно одного случайно оброненного слова. Крестьянин ли упомянет, что видел Эрику и Сантиоль с ребенком, или приехавший в гости родственник заметит отсутствие Сантиоль – и вся затея провалится. Нельзя, чтобы хоть кто-то узнал, что ребенок здесь, – трудная задача в доме, полном сплетничающих слуг. Эрика не могла позволить себе ошибиться.

Она оставила мерина одному из конюхов и вошла через парадную дверь, отвечая на приветствия слуг и улыбаясь в ответ на брызжание дворецкого.

Эрика проскользнула мимо дедушкиного кабинета, чувствуя, как по шее ползет ручеек пота, и начала подниматься по лестнице в главном зале. Сантиоль приведет девочку в поместье по одной из дорожек для верховых прогулок, накормит и устроит на ночь в заброшенном стойле. Норрин останется там до утра. К этому времени Эрика придумает причину для поездки к родителям в Адро.

– Эрика, это ты?

Она замерла на середине лестницы и тихонько выругалась.

– Да, дедушка.

Эрика вернулась к двери кабинета.

Старик сидел в своем любимом кресле, подняв ноги на пуфик. В камине горел огонь. Дедушка положил книгу страницами на живот и посмотрел на внучку поверх очков для чтения.

– Ты пропустила ужин.

– Прости, дедушка.

– Бабушка устроит тебе разнос.

– Я знаю. Прости.

– Ладно, ладно, – отмахнулся он. – Она чересчур заботливая. Думаешь, откуда это у твоей матери? А где Сантиоль?

– Ухаживает за лошадьми.

– А конюхи нам зачем?

– Ты же знаешь, какая она.

– О? И какая же?

– Просто, ну, беспокоится по поводу всего, – проямлила Эрика.

Дед внимательно посмотрел на нее:

– Что-то не так?

Эрика выдавила улыбку:

– Вовсе нет, дедушка.

– Вы что-нибудь привезли?

Она покачала головой:

– Сантиоль заставила меня стрелять по белкам.

– По этим негодницам так просто не попасть. Ну да ничего. В следующий раз попадешь. Как по мне, можешь стрелять по ним из окна. Проклятые твари все время забираются в мой сад. – Он поднял книгу и стал искать место, на котором остановился. – Иди умойся и загляни на кухню поужинать. Дафни разогреет тебе что-нибудь.

Эрика взбежала по лестнице, обрадовавшись, что дальнейших вопросов не последовало, и намереваясь избегать встречи с бабушкой по меньшей мере час-два. Она приняла ванну и переоделась, потом спустилась вниз, чтобы кухарка ее покормила. Нежное мясо куропатки, щедро приправленный маслом картофель и обжаренные с чесноком бобы. Дафни сказала, что малина в пироге – последняя из дедушкиных ягод в этом году.

– Дафни, ты не видела Сантиоль? – спросила Эрика кухарку, доедая ужин за столом для прислуги.

Дафни была крепкой женщиной лет тридцати пяти. Ее передник, кажется, всегда был покрыт мукой. Прислонившись к столешнице, одной рукой она расколола пару грецких орехов и вынула ядра из скорлупы.

– Вернулась вскоре после вас. Думаю, она у хозяина.

– Спасибо.

Эрика не стала доедать и выскользнула в служебный коридор, мягко ступая и избегая скрипучих досок, пока не приблизилась к двери дедушкиного кабинета, которой пользовались слуги.

Она слышала его голос, но не могла разобрать слов. Дед разговаривал с Сантиоль или с одним из слуг? Или с бабушкой? Если с бабушкой, то нужно держаться подальше, но если с Сантиоль... Надо узнать, все ли прошло гладко с Норрин.

Она сделала еще шаг и поморщилась, когда доска громко скрипнула под ногой в домашней туфле.

– Эрика, – раздался голос деда. – Иди сюда.

Бездна, как он узнал, что это она? Эрика тихо вздохнула и вышла из-за угла, нацепив на лицо улыбку.

– Что, дедушка?

Улыбка сползла с лица так же быстро, как появилась. Дед стоял рядом с камином, позабыв о книге, рядом замерла Сантиоль. Наставница выглядела серьезной, дед хмурился и задумчиво барабанил пальцами по каминной полке.

– Закрой дверь, дитя.

Дверь в главный коридор уже была заперта. Эрика закрыла за собой вторую дверь и почувствовала, как на поясице выступил пот.

– Я так понимаю, что сегодня ты совершила свое первое настоящее убийство, – сказал дедушка.

– Я не...

Хозяин герцогства Леора фыркнул:

– Не лги мне, девочка. Сантиоль твоя наставница, но служит она мне. Думаешь, она скрывает это от меня? Я знаю про охотников на магов и знаю про девочку.

Несмотря на резкий тон, дедушка старался говорить тихо. Он всегда утверждал, что в домах аристократов даже стены имеют уши, а самые преданные слуги могут шпионить в пользу другой знатной семьи.

– Подойди.

Эрика прошла через комнату и встала перед дедом, стараясь выглядеть как можно более пристыженной. Как он поступит? Выдаст девочку охотникам на магов? Возможно, выдаст и Эрику? Ей никогда не приходило в голову, что собственный дед способен ее предать, но теперь она вдруг занервничала.

– Подними подбородок. Посмотри мне в глаза, – велел он.

Она подняла лицо и вздрогнула от внезапной пощечины, недостаточно сильной, чтобы пошатнуться, но достаточно хлесткой, чтобы причинить боль. Однако хуже боли оказалось потрясение – дедушка никогда не был жестоким, даже с ее братьями.

– У каждого действия есть последствия, дорогая моя. – Дед взял ее за подбородок и нежно погладил по щеке.

Она заставила себя не отшатнуться.

– Да, сэр.

– Никаких «сэр», девочка. Я все еще твой дедушка. – Он тепло улыбнулся, но его глаза казались уставшими. Он отвернулся к огню. – Ты правильно сделала, что убила тех Гончих. Это не последний раз, когда на твоих руках окажется кровь, и Сантиоль говорит, что ты почти не сомневалась. Я горжусь тобой. В Кезе жизнь ничего не стоит. Приходится отвоевывать право на то, чтобы ценили твою.

– Ты... гордишься мной?

– Ты вернулась домой целая и невредимая. Я знаю королевских охотников на магов, девочка. Сборище беспринципных воров и убийц. Они бы разделались с тобой без колебаний, если бы думали, что это сойдет им с рук.

Он все еще ничего не сказал о девочке. Бездна! Что он сделал? Приказал Сантиоль убить ее? Дедушка не был бессердечным, но славился беспощадностью, когда дело касалось безопасности семьи. Прежде всего он был прагматиком.

– Это никогда не выйдет за пределы этой комнаты, – сказал дед.

Эрика кивнула. Кезанских аристократов с детства учат многому. В том числе ценить молчание.

– Какие занятия у Эрики завтра? – спросил дедушка у Сантиоль.

Наставница прочистила горло.

– Утром фехтование. Днем верховая езда, а вечером математика.

Эрика застонала про себя. Она ненавидела математику.

– Отмени математику. У меня дела в Норпорте, а Эрика решила, что хочет вернуться к родителям в Адро немного раньше, чем планировала. Мы отправимся налегке с парой сопровождающих. Выезжаем завтра днем после моей встречи с

лордом Сибилом. – Герцог указал на Эрику. – Когда доберемся до Норпорта, я посажу тебя на шхуну, идущую через Адроанское озеро в Адопест.

Эрика сглотнула.

– А девочка?

– Она поедет с тобой. В Адопесте есть люди, которые примут ее, и когда она прибудет туда, ты больше не будешь лезть в это дело. Поняла?

Эрика неслышно выдохнула и вознесла про себя благодарственную молитву Кресимиру.

– Да, дедушка.

– Иди поспи. Завтра нам много скакать. Я не собираюсь нигде задерживаться, чтобы меня поймали с беглым пороховым магом.

На рассвете Эрика отправилась на тренировочную площадку позади главной конюшни, чтобы поупражняться в фехтовании с Сантиоль. Утро выдалось прохладным, в раннем свете из рта поднималось облачко пара. Руки словно налились свинцом, голова гудела после бессонной ночи. Разве нельзя отменить все это и незамедлительно выехать в Норпорт? Чем скорее девочка окажется в Адро, тем скорее все закончится.

Однако, несмотря на нервозность, Эрика испытывала восторг при мысли о том, что перехитрила Гончих. Это ни шло ни в какое сравнение с ее мелким бунтом, когда она время от времени по чуть-чуть употребляла порох.

– Норрин? – тихо спросила она, когда к ней присоединилась Сантиоль.

Наставница отставила шпагу в сторону и легко подпрыгивала на цыпочках, разминаясь. Длинные каштановые волосы были забраны в узел на затылке, и Эрика поняла, что забыла сделать то же самое.

– Я заглядывала к ней утром. Жива-здорова. Еда пошла ей на пользу.

– Вы передали ей мою старую обувь?

– Да, – сердито сказала Сантиоль. – Даже малейшее проявление доброты выйдет вам боком. Если девочку поймают, то выяснят, кто дал ей эту обувь. Гончие настойчивы.

Эрика стиснула зубы.

– Значит, придется позаботиться о том, чтобы ее не поймали.

Сантиоль повесила куртку на дверь сарая.

– В Кезе доброта приводит к смерти.

– Или обеспечивает могущественных друзей.

– Вы говорите как адроанка. К бою!

Сантиоль без предупреждения сделала выпад, лишь острое шпаги сверкнуло в утреннем свете.

От неожиданности Эрика вскрикнула и попятилась, пытаясь пустить в ход собственную шпагу. Она дважды парировала удары, а затем острое шпаги Сантиоль прошипело прямо возле ее уха.

Малейшее движение пальцев – и лезвие вошло бы Эрике в глаз.

Наставница опустила шпагу.

– Не каждый бой – дуэль. Не каждый противник даст вам подготовиться, прежде чем нападет.

Она вернулась к куртке, достала из кармана деревянный колпачок и надела на острое шпаги.

Эрика проделала то же самое со своей шпагой, хмуро глядя на наставницу. Расправила плечи и размяла руки, а затем, как только Сантиоль развернулась, атаковала.

Они перемещались туда-сюда по тренировочной площадке. Штаны и сапоги покрылись пылью, сорочки пропитались потом. Первые два касания принадлежали Сантиоль, за Эрикой остались третье и четвертое.

И пятое. И шестое.

Эрика нанесла восьмой укол подряд, когда заметила, как Сантиоль сменила позицию. Наставница распустила ворот сорочки и промокнула лоб носовым платком.

– Видит Кресимир, вы фехтуете все лучше и лучше. Что делать, скоро перестану поддаваться.

– Я тренируюсь с отцом.

Эрика поймала клинок противницы и отвела его в сторону. Сантиоль тут же повторила выпад, на этот раз быстрее и сильнее.

– Он учит вас адроанскому фехтованию?

– Немного. Их школа небрежна, но он говорит, что адроанцы сражаются не приемами, а сердцем.

Эрика отскочила назад, но недостаточно быстро, и Сантиоль нанесла укол по внутренней стороне бедра.

– Не мне поправлять вашего отца, но адроанские дуэлянты – слабаки.

Сантиоль снова атаковала, и Эрика подстроилась под увеличившиеся силу и скорость, которые Сантиоль вкладывала в удары.

Этого оказалось недостаточно. Сантиоль коснулась ее еще три раза, прежде чем отступила и подала знак к окончанию.

Эрика с признательностью согнулась, уперев ладони в колени и тяжело дыша. Она знала, что Сантиоль считается хорошим дуэлянтом даже по кезанским стандартам, но никогда раньше не видела, чтобы наставница сражалась так.

– У вас хорошо получается, – сказала Сантиоль.

Предполагалось, что это похвала, но Эрика не смогла сдержать досады на последние четыре неудачи. Она сплюнула в пыль.

– Я серьезно, – добавила Сантиоль. – Вы уже лучше, чем большинство адроанцев, с которыми я сражалась. Еще несколько лет, и, держу пари, вы сможете потягаться на равных с большинством бойцов Девятиземья.

– Вы мне льстите.

Сантиоль вложила шпагу в ножны и натянуто улыбнулась:

– Не слишком обольщайтесь.

Их беседу прервал крик, разнесшийся над двором поместья. Эрика подошла к углу конюшни и посмотрела на особняк. К ним направлялось три человека.

– Кто это? – спросила она.

Сантиоль прищурилась:

– Похоже, ваш дедушка и... не уверена.

В следующий миг Эрика узнала мужчину справа от деда.

– Бездна, – выругалась она. – Это Никслаус.

Герцог Никслаус, невысокий худощавый мужчина на пару лет старше Эрики, с непропорциональной головой, которая казалась слишком большой для тонкой шеи. Светлые, почти белые, завитые волосы выглядывали из-под превосходного фетрового бикорна. Древние алые руны на белых перчатках позволяли призывать в мир магию стихий. В свои двадцать два года Никслаус был известен как один из самых молодых Избранных, полностью прошедших обучение. И он точно был самым молодым Избранным, вступившим в ряды охотников за магами.

Эрика подавила панику.

– Если он здесь, то со своими людьми.

Сантиоль сжала руку Эрики.

– Спокойно.

Трое мужчин подошли к углу сарая, и дедушка осмотрел Эрику с ног до головы.

– Похоже, вы обе славно потрудились сегодня утром.

– Она делает успехи, милорд, – сказала Сантиоль.

– Чудесно! Эрика, Сантиоль, вы знакомы с герцогом Никслаусом?

– Мы встречались. На одном из королевских балов прошлой весной.

Эрика заставила себя улыбнуться и протянула руку, которую Никслаус поцеловал. На улыбку он ответил изгибом губ, отчего ее кожа покрылась мурашками.

– Миледи, это было слишком давно. Вы превратились в очень красивую женщину.

– Я польщена, – вяло выговорила Эрика и поморщилась. Дедушка отчитает ее за неумение скрывать чувства. Должна же понимать.

– Сантиоль – наставница Эрики, – сказал дедушка. – И прошу меня простить, герцог, но я, стыдно признаться, запамятовал имя вашего спутника.

– Дуглас, – поклонился третий мужчина, но руки не подал.

Высокий, почти на фут выше Никслауса, с длинными мускулистыми руками и ногами. Длинные волосы с проседью, напояженные усы, на поясе шпага. Несмотря на утреннюю прохладу, его куртка была расстегнута. Он стоял, засунув большой палец за ремень, и с интересом разглядывал Эрику.

– Дуглас – главный охотник за магами, – сообщил Никслаус. – Тридцать лет отслеживает мерзких тварей. А также искусный поединщик. Помогает мне в моем задании.

– И в чем оно заключается? – спросила Эрика. Голос прозвучал выше, чем ей хотелось бы.

– Мы отслеживаем опасную преступницу. Порохового мага, конечно же. Она сбежала из тюрьмы в Лореленде.

Эрика изобразила потрясение:

– Это почти восемьдесят миль отсюда. Неужели она могла забраться так далеко?

– Безусловно, это неожиданно. Она оказалась изворотливой.

– Куда она может направляться?

– По нашим подозрениям, в Адро. Но я понятия не имею, как она собирается выжить на перевалах высоко в горах, когда зима на пороге.

– Надеюсь, вы арестуете ее до того, как кто-нибудь пострадает, – сказала Эрика.

– Я тоже. Не каждому пороховому магу хватает порядочности отречься от омерзительной магии.

Вот оно. Эрика с трудом сглотнула. Разумеется, Никслаус знает, что она пороховой маг. Все знают. Но подозревает ли он, что она способна помочь собрату-магу?

Несколько минут Никслаус монотонно распространялся о подробностях их поисков. Дуглас молча возвышался позади. Эрике казалось, что оба внимательно наблюдают за ней, словно ища некий знак. Возможно, это только ее воображение. Так или иначе, она надеялась, что они спишут ее дрожащие руки исключительно на усталость после тренировки.

– Мои люди уже обыскивают территорию, – заключил Никслаус. – Мы должны удостовериться, что эта тварь не угрожает вашей семье.

Эрика подавила порыв взглянуть на запад, на заброшенную конюшню, где Сантиоль спрятала Норрин. Конюшня располагалась почти в трех четвертях мили от главного дома, в лесу. Эрика понимала, что ее выдаст даже крошечный намек, но не могла не беспокоиться о том, надежно ли спрятали девочку. Что, если ее уже нашли?

– Весьма признателен. – Герцог Леора пожал руку Никслаусу. – Мы высоко ценим все, что вы, охотники, делаете для нас. И вам спасибо, Дуглас.

Высокий охотник коротко кивнул.

Как это у дедушки получается так хладнокровно притворяться? Он настолько привык лгать представителям власти? Или он ночью успел перепрятать Норрин? Эрика сжала рукоять шпаги. Если ей придется простоять здесь еще минуту, ничего не делая, пока Гончие обыскивают поместье, она завизжит.

– Мой добрый герцог, – неожиданно вырвалось у нее, – вы фехтуете?

– Немного, – ответил Никслаус, несколько опешив.

– Не желаете присоединиться ко мне?

Дуглас скептически скрестил руки на груди, а дедушка сказал, что это прекрасная идея. Сантиоль издала тихий раздраженный вздох.

Никслаус приподнял уголок губ.

– Конечно. Позвольте позаимствовать у вас колпачок?

Сантиоль несколько неохотно подала ему колпачок для шпаги, и Никслаус передал Дугласу свой сюртук и перчатки. Сантиоль встала позади Эрики и, коснувшись ее, прошептала:

– Дайте ему победить.

Эрика глубоко вдохнула. Естественно. Так она и собиралась сделать. Хороший способ отвлечь герцога на несколько минут, ничего больше.

Она встала в позицию. Сердце колотилось как бешеное. В любую минуту на поле могут появиться Гончие, крича на бегу о том, что они нашли девочку. Тогда всему конец. Эрика отправится к палачу, а дом Леора будет опозорен. Сколько человек привез с собой Никслаус и смогут ли Сантиоль и домашняя стража справиться с ними?

Она тут же отбросила эти мысли. Никслаус – Избранный. Наверное, он перебьет их еще до того, как они вытащат шпаги.

Глубоко задумавшись, Эрика ответила на салют Никслауса и едва успела парировать его первый выпад. В два движения он преодолел ее защиту и коснулся ее левой груди, недалеко от клейма порохового мага.

Вряд ли это совпадение.

Никслаус снова встал в позицию.

– Вы кажетесь рассеянной, миледи, – сказал он, давая знак начинать.

Эрика попыталась сосредоточиться и заставила себя расслабиться, когда он начал атаку. Их клинки скрестились несколько раз, и колпачок шпаги снова коснулся ее руки.

– Просто устала, вот и все.

– Похоже, вам действительно не помешает отдохнуть. Достаточно.

Никслаус вернулся к Дугласу забрать свой сюртук, и Эрика услышала, как он тихо сказал:

– Мне показалось или ее наставница утверждала, что она хороша?

– Еще раз, – сказала Эрика, не успев остановить себя. За ее спиной тихо выругалась Сантиоль.

Никслаус развернулся к ней, нахмурившись.

– Вы уверены?

– Да, милорд.

Герцог поднял клинок и начал поединок. Эрика отразила его первый выпад и сразу же ответила контратакой. Деревянный колпачок ее шпаги коснулся груди Никслауса.

– Однако, – удивленно произнес тот. – Еще раз.

Эрика нанесла три укола ему в грудь и один всего на несколько дюймов выше паха, прежде чем Никслаус отступил. Он с трудом сохранял любезность, но милостиво кивнул, признавая поражение.

– Очень хорошо, миледи. Вы фехтуете гораздо лучше меня.

– У меня превосходный учитель, – сказала Эрика, глядя на Сантиоль. Наставница поморщилась. Эрика практически слышала ее мысли: «Вам следовало позволить ему победить».

– Конечно, мои занятия касаются магии. – Никслаус натянул перчатки Избранного. – У меня мало времени, чтобы упражняться в фехтовании. Дуглас намного лучше меня.

Не сказав ни слова, высокий охотник на магов шагнул к Эрике. Он вынул шпагу, забрал у Никслауса колпачок и надел его на острие. Эрика с трудом сглотнула. Дуглас был намного выше нее, с более длинными руками, и шпага у него на несколько дюймов длиннее.

– Не думаю... – начала Сантиоль.

Никслаус поднял руку:

– Давайте посмотрим, как вы справитесь, миледи. Он будет аккуратен.

Дуглас использовал свой высокий рост на полную – скользнул вперед, как змея в броске. Шпага метнулась, словно жало, а тело осталось вне досягаемости клинка Эрики. Он отмахнулся от ее защиты и хлестнул колпачком по ее горлу достаточно сильно, чтобы оставить след.

Ошарашенная Эрика коснулась горла. Он посмел ударить ее вот так? Это неправильно. Нечестно! Она атаковала его со всей скоростью, на которую была способна, клинок замелькал в воздухе. Дуглас парировал ее выпад раз, два, отбил с пугающей легкостью третий и ткнул колпачком в ребра.

Эрика почувствовала, как краска бросилась в лицо. Она не могла достать его, а он еще и обладал пугающей скоростью. Его манера боя была более расчетливой. Сантиоль посоветовала бы ей с достоинством признать поражение перед таким явным превосходством. Эрика подняла шпагу.

– Довольно, – вмешался герцог Леора. – Эрика, думаю, вам с Сантиоль пора готовиться к поездке. Помни, через несколько часов мы отправляемся в Норпорт.

Эрика опустила шпагу.

– Да, дедушка.

Она схватила куртку и зашагала к особняку. За спиной слышались шаги Сантиоль.

– Никогда больше так не делайте, – прошипела наставница. – Этот человек разорвал бы вас на куски.

Будь проклят Дуглас за то, что так унизил ее! Будь проклят Никслаус за то, что потворствовал этому.

– Я убью его, – поклялась Эрика.

– Не глупите. Как бы хорошо вы ни научились фехтовать, вам с ним не сравниться, – сказала Сантиоль. – Он не просто так стал псарем Гончих.

Эрика остановилась и обернулась на двух мужчин, которые беседовали с дедом. Никслаус наблюдал за ней. Ей хотелось стереть с его лица эту мерзкую улыбочку.

– Может, и так, – отозвалась она. – Но я прослежу, чтобы Норрин добралась до Адро. Это посрамит их обоих. И они никогда не узнают, что это была я.

Приглушенные голоса заставили Норрин моментально выбраться из импровизированной постели в поисках какого-нибудь укрытия. В считанные секунды она полностью проснулась, схватила одеяло, корку хлеба, оставшуюся после ужина, и все остальное, что могло бы выдать ее присутствие.

Па всегда наказывал ей спать чутко, чтобы, забредя к их засидке неудачливый олень, она была готова сесть на скатке и застрелить его. В последние пару недель, уходя от погони, она активно следовала его совету и сумела избежать столкновения с охотником, а после с фермером, который искал трюфели со своими свиньями.

Но сейчас ее сцапают, как кролика в силках. Она схватила перочинный ножик. Все ее пожитки поместились в одной руке. Вчера вечером Сантиоль рассказала ей про место, где можно спрятаться. Стоит ли доверять этой пожилой женщине? Норрин подбежала к дальней стене конюшни, где, по словам Сантиоль, открывалась старая

фальшивая стена. Норрин дернула сломанный брус, пытаясь отыскать щеколду. Ничего не произошло.

Норрин дернула еще раз, но безрезультатно. Как наставница сделала это вчера вечером? Это же нужный брус? Норрин стала лихорадочно дергать, но не могла вспомнить, как открыть тайник.

Она раскидала ногой солому, на которой спала, уничтожая следы ночевки, и вскарабкалась по лестнице на второй этаж. Там сладко пахло сухим сеном. Норрин понадеялась, что это перебьет вонь ее нестираной одежды.

Она протиснулась между двух тюков сена и заползла поглубже в стог, как раз когда внизу со скребущим звуком распахнулась дверь.

– Слышишь что-нибудь? – спросил незнакомый мужской голос.

– Ага, как камни гремят в твоей глупой башке, – ответил женский голос.

– Я серьезно, – сказал мужчина.

– Я тоже. Помоги мне открыть дверь до конца. Нам понадобится свет, чтобы все тут обыскать.

Послышался глухой стук о дерево, затем еще один. По плотно утрамбованному полу конюшни затопали сапоги.

– Милостивый Кресимир, как же я ненавижу холод, – сказала женщина.

– Тогда ты выбрала неподходящее место для зимовки, – хохотнул мужчина.

– Не будь засранцем. Думаешь, я выбирала это задание? Если бы так, то я взяла бы с собой кого-нибудь посимпатичнее тебя. Герцог заставляет нас охотиться на призраков. Мы здесь только потому, что ему хочется обвинить в чем-нибудь отрешившуюся девчонку Леора. Видел его лицо, когда он вышел из кареты? Послушать, как он говорит о ней, так я даже не пойму, чего ему хочется больше – убить ее или трахнуть. Открой-ка окно, а то ничего не видно.

Глухо стукнуло окно, и Норрин услышала, как внизу ходят два человека. Скрипнул ржавый металл – подняли что-то тяжелое. Женщина громко выругалась.

– Что?

– Придавила палец плугом, дурак неблагодарный.

– Хватит ныть. Похоже, здесь кто-то спал?

Женщина ахнула.

– Бездна, похоже.

Послышались торопливые шаги.

– Кто-то маленький. Смотри, вся солома помята. Потрогай, еще теплая!

На несколько секунд воцарилась тишина, затем мужчина произнес:

– Ты смеешься надо мной.

– Конечно смеюсь, идиот. Тут повсюду олени какашки. И слепому видно, что они постоянно тут спят. Дворецкий сказал, что в этой конюшне никого не было много месяцев.

– Однако дверь была закрыта. Раз ты такая умная, объясни, как сюда попал олень.

– Не знаю. Может, через ту дыру в стене? Кресимир, ну ты и тупой. Иди проверь наверху, и вернемся к остальным. Тут никого нет.

Едва дыша, Норрин слушала, как скрипит лестница под весом крупного человека, как он шагает по второму этажу, как тихо бормочет себе под нос.

– Тупой. Я тебе покажу тупого. Уроню тебе на башку топор.

– Ты что-то сказал? – окликнула женщина.

– Ничего!

– Там кто-нибудь есть?

Норрин еле сдержала визг, когда груда тюков неожиданно сдвинулась. Зашуршало сено, и в лазе, который она проделала, показалась рука. Рука пошарила вокруг и исчезла. Мужчина несколько раз пнул тюки, и Норрин приготовилась к тому,

что вся груда обрушится на нее. К счастью, обошлось. Мужчина еще поворчал и ответил:

– Ничего тут нет.

– Ладно, пойдем завтракать. Я умираю с голоду.

Мужчина спустился с лестницы, и они вышли из конюшни. Норрин подождала еще с минуту, пока голоса не стали едва слышны, и только тогда позволила себе прерывисто выдохнуть. Она ссутулилась в своем укрытии, пытаясь забыть шарящую руку и страх, заставивший застыть на месте.

Она потеряла перочинный ножик где-то в сене. Что бы сказал на это па? Здесь не было пороха, ничего, чтобы защитить себя. Если бы мужчина схватил ее, она оказалась бы беспомощной.

Норрин не посмела выйти из укрытия. Ищейки ушли, но могли явиться и другие. В этот раз ее спасли только их громкие пререкания. В следующий раз так не повезет.

Сено кололось сквозь одежду, отчего кожа чесалась. В укрытии было тепло, но неудобно, и страх держал Норрин на месте.

Немного спустя она опять услышала голоса, но говорили слишком далеко, и она не могла разобрать слов. В конюшне было тихо, только каркали вороны на крыше да скреблись крысы внизу. Она так и сидела, свернувшись, как лисенок в норке, и считала удары сердца, стараясь не бояться.

Из раздумий ее вырвал какой-то звук в стойле. Она замерла, молясь, чтобы это скрипнуло само строение. Она ведь слышала бы, как открывается дверь, если бы внизу кто-то был? Гончие закрыли за собой дверь? Она не помнила.

Кто-то прокашлялся.

У Норрин задрожали руки.

Заскрипела лестница, раздался голос:

– Это я, девочка. Можешь выходить.

Норрин выползла из-под сена и принялась отряхивать волосы и одежду. Сантиоль стояла на лестнице, было видно только голову и плечи.

– Ты должна была спрятаться за фальшивой стеной на первом этаже.

Норрин не отвечала, пока не отыскала в сене перочинный нож.

– Я забыла, как ее открывать, – сказала она, спускаясь следом за Сантиоль.

Пожилая женщина подошла к стене и подняла балку, которую Норрин тянула вниз. Норрин слышала тихий щелчок. Сантиоль толкнула балку в стену на несколько дюймов. Доски повернулись на петлях, и открылся тайник, достаточно большой, чтобы в нем надежно спряталась Норрин.

– Тебе крупно повезло, что они такие ленивые и не потрудились обыскать сено.

– Они обыскали.

– Недостаточно хорошо. – Кажется, Сантиоль это не впечатлило. – Тебе следовало внимательнее слушать вчера. Если из-за тебя у моей хозяйки будут проблемы, я...

– Вы что? – Норрин сжала кулаки. – Если они меня найдут, то убьют. Я не дуручка. Хуже вы ничего не сделаете.

Сантиоль провела пальцем по своему ножу. Норрин подумала, какие угрозы она перебирает в уме, но женщина просто тихо сказала:

– Да, полагаю, ты права. В следующий раз будь осторожнее.

Герцог Никслаус встретил Эрику и герцога Леора на подъездной дорожке к особняку, когда они собирались в Норпорт.

Эрике нужен был какой-нибудь предлог, что угодно, лишь бы задержаться дольше Никслауса и убедиться, что он уехал до того, как они отправятся в путь.

Дедушка этого не позволит. И он, конечно, прав. Им нельзя менять планы, иначе Никслаус что-то заподозрит. И так чудо, что герцогские Гончие не нашли Норрин. Или все же нашли, и теперь герцог спешит их арестовать?

Никслаус подошел к окну кареты. Эрика поняла, что беспокойно ерзает.

– Надеюсь, вы не пострадали от маленькой забавы Дугласа, – сказал Никслаус. Эрика непроизвольно подняла руку к горлу. След останется на неделю, а то и больше. Никслаус продолжал: – Он невероятный фехтовальщик, но происходит из низов. Деревенщина, видите ли. Никакого понятия о приличиях.

– Все в порядке. – Эрика молилась, чтобы Никслаус развернулся и ушел.

– Вы весьма очаровательны со шпагой.

– Благодарю, милорд.

«Очаровательна». Не ловкая или быстрая или еще как. Просто очаровательная. Вот мерзавец.

Никслаус стукнул по дверце, словно прощаясь, кивнул Эрике и ее деду и шагнул назад.

Эрика позволила себе откинуться на мягкое сиденье дедушкиной кареты и облегченно выдохнуть. Дедушка закатил глаза, а она показала ему язык. Неожиданно закружилась голова – наконец-то они уедут.

– Милорд. – Никслаус шагнул обратно к окну.

Эрика подпрыгнула на сиденье, но Никслаус словно не заметил.

– Да?

– Двое моих людей были убиты на дороге не далее шести миль отсюда. Мы обнаружили тела только сегодня утром.

– Жаль это слышать, – произнес лорд Леора. – Очень прискорбно.

– В самом деле. – Никслаус посмотрел на Эрику. – Не представляю, что могло произойти.

– Думаете, это пороховой маг? – спросила она.

– Возможно.

Кровь застучала у нее в ушах.

– Где это произошло?

– К юго-востоку отсюда.

Эрика прижала ладонь к груди.

– Это же королевский тракт! Мы с Сантиоль как раз там вчера охотились. Это могут быть разбойники? – Она хлопнула себя по лбу. – Бездна, мы были прямо там. На нас могли напасть!

Никслаус, похоже, оторопел.

– Что ж, рад, что это оказались мои люди, а не вы с вашей телохранительницей.

– Это... это просто ужасно. Дедушка, я требую, чтобы ты отправил туда кого-нибудь разделаться с ними.

Дедушка поджал губы:

– Я поговорю с Сантиоль. Нельзя допустить, чтобы в моем лесу хозяйничали разбойники. Я прослежу, чтобы виновные понесли наказание.

– Очень хорошо, – медленно произнес Никслаус. – Спасибо. – Он посмотрел на Эрику. – Искренне надеюсь, что ваше путешествие будет безопасным.

Никслаус ушел, и вскоре они уже ехали на север по горным дорогам, которые вели через самые низкие перевалы к Норпорту.

За окном кареты проносился лес, последние упрямые листья цеплялись за ветви голых деревьев. Слышался только скрип колес да топот копыт их маленького эскорта.

– Ты затеяла опасную игру, – сказал дедушка, когда они уже порядочно отъехали от поместья. – Когда призналась, что охотилась там.

Эрика кивнула. Если бы дедушка не одобрял, он заговорил бы раньше.

– Но получилось хорошо, – добавил он. – Ты выбила его из колеи. Будь осторожна с Никслаусом. Он молод и в действительности не самый могущественный из Избранных, но берет коварством. Не спровоцируй его на какую-нибудь глупость.

– Разве не это мне следует делать?

– Нет, если эта глупость – попытка убить тебя. Потому что, попомни мои слова, он преуспеет. Посмотри ему в глаза, и увидишь человека, который не остановится перед убийством. – Дедушка пожал плечами. – В конце концов, это Кез. А он герцог.

– Ты тоже.

– А я останавливался перед убийством?

Ошеломленная Эрика склонила голову набок:

– Я... не знаю.

– Дорогая, это для тебя я дедушка, а... в общем, люди привыкли бояться меня. И привыкнут бояться тебя, к тому времени как ты унаследуешь мой титул и земли.

Эрика смотрела на деда – морщинистого старика, приносившего ей цветы и ягоды из своих садов, – и думала, на что тот способен. Он такой же безжалостный, как Никслаус? Просто научился лучше скрывать это? Станет ли и она со временем такой же? Этот вопрос мучил ее весь день до самого вечера, когда они остановились сменить лошадей, прежде чем продолжить путь ночью.

Утром к ним присоединились Сантиоль и Норрин. При виде девочки Эрика не смогла сдержать облегченного вздоха. На Норрин были ее старые сапоги для верховой езды и длинная куртка из лисьего меха, а под ней белая рубашка с зеленой отделкой. Клеймо на шее прикрывал шарф.

С новоприбывшими в отряде стало семь человек. Лорд Леора ясно дал понять, что ему не нравится, когда столько людей знают, что они собираются тайно вывезти девочку из страны, но тем не менее безоговорочно доверяет двум своим охранникам и кучеру. Каждый из них служил ему дольше, чем Эрика жила на свете.

Всего через четыре дня они прибыли в Норпорт. Сантиоль снова исчезла вместе с Норрин, забрав ее на постоянный двор, где они могли остановиться, не привлекая внимания. Эрика с дедом отправились в гостиницу. Впервые за почти неделю ей удалось выспаться. Утром к походке вернулась былая легкость.

С Адроанского озера пахло рыбой и сыростью. Она почти на месте. Дедушкин кучер купил для нее место на шхуне, идущей в Адопест. Сантиоль купит место для себя и Норрин на той же шхуне, и всего через пару дней они станут недостижимы для кезанских Гончих. Когда через несколько месяцев Эрика вернется в Кез, Норрин будет далеко, и не останется никаких доказательств, способных связать наследницу кезанского герцогства со сбежавшим пороховым магом. Эрике не верилось, что они сделали это.

Дедушка просил ее позавтракать с ним в ресторане гостиницы. В просторном помещении, кроме них, сидела всего одна пара, что очень устраивало Эрику. Они сели за стол, и через несколько минут им принесли завтрак: яйца куропаток, тосты и телячью печень. Эрика набросилась на еду, как будто не ела много месяцев. Дедушка поднял вилку и указал на дверь у нее за спиной.

– Твой друг здесь, – сказал он ровным голосом.

– Мой друг? Кто?

Эрика повернулась на стуле. В большом зале несколько мужчин разговаривали с хозяином гостиницы. На них была коричнево-зеленая форма кезанских солдат и белые перевязи на груди. Еще один мужчина носил черный костюм и украшенные рунами перчатки Избранного.

Герцог Никслаус.

Эрика почувствовала, как кровь отлила от лица. Вернувшись к завтраку, она несколько секунд смотрела на тарелку, пытаясь успокоить дыхание. Он здесь. А если он здесь, значит, пришел за ними. Несколько секунд – и он со своими Гончими войдет в дверь и арестует их с дедушкой.

Это она навлекла беду на деда. Это она во всем виновата. Может, получится убедить их, что дедушка ни при чем?

– Доедай, – сказал дедушка. – Тебе понадобятся силы.

Он уже пил утренний чай.

– Я не голодна.

– Поешь, – настаивал он.

– Миледи! Милорд Леора! Как я рад видеть вас снова!

Никслаус вошел в комнату и приблизился к их столу. Дедушка встал, чтобы пожать герцогу руку, а Эрика позволила ему поцеловать свою.

Наверняка он слышит, как предательски грохочет ее сердце. Наверняка ловушка вот-вот захлопнется.

– Что привело вас в Норпорт? – еле слышно спросила Эрика.

– Охота, охота. – Никслаус изобразил рукой движущееся колесо и упал на свободный стул. – Когда мы охотимся, приходится объезжать все. Знаете, как это бывает. Беглянка может быть где угодно.

– Но уж точно не здесь, – сказала Эрика.

– Этого мы не знаем. Разумеется, я разослал людей во все стороны.

– Разумеется, – повторила она, сидя как на иголках. Он играет с ней?

– Когда я узнал, что вы здесь, то решил заглянуть и оказать любезность, сообщив новости лично.

– О? – Эрика посмотрела на дедушку, но старик отпил чай и откусил гренок с таким видом, будто подобный разговор был в порядке вещей.

– Я был вынужден закрыть порт, – продолжал Никслаус. – Мне очень жаль. Я знаю, что вы собирались сегодня возвращаться в Адро. Но поскольку пороховой маг на свободе, я должен предпринять все меры предосторожности.

Эрика положила вилку рядом с тарелкой, чтобы герцог не заметил, как дрожит рука.

– О. Понимаю. Как долго будет закрыт порт?

– Неделью. Возможно, две. Уверен, что не дольше месяца. Я запросил подкрепление, и мы тщательно обыщем город, прежде чем я разрешу открыть порт снова.

– Это плохо скажется на торговле, – сказал дедушка, отведав яйцо-пашот. – Адроанцы не обрадуются.

– Короля не волнует настроение адроанцев, когда дело касается проклятых пороховых магов. Не хочу вас обидеть, миледи. – Никслаус мягко накрыл ладонью руку Эрики. – Мне известно, что вы и сама наполовину адроанка, но вы должны понять.

«И пороховой маг». Она тяжело сглотнула.

– Конечно, милорд.

– Но у меня есть и хорошие новости, – сказал Никслаус. – Мне только что прислали нечто чудесное из королевского арсенала. Дуглас!

В следующее мгновение в комнату вошел высокий охотник на магов. На нем была коричнево-зеленая форма, длинные волосы с проседью забраны в хвост, усы блестели от воска. На плече висел длинный сверток в промасленной ткани. По знаку Никслауса он бросил сверток на стол, разбив тарелку. Эрика вздрогнула, а Дуглас словно и не заметил.

– Это духовое ружье.

Никслаус развернул ткань и взял предмет в руки. Тот очень напоминал обычный мушкет с длинным стволом, но приклад был шире, чем у мушкета, а спусковой механизм совсем не походил на кремневый. Герцог указал на широкий приклад:

– Оно стреляет при помощи сжатого воздуха из этого цилиндра. Хватает на несколько выстрелов. Дальность немного меньше, чем у кремневого ружья, но оружие изумительное.

– Занятно, – пробормотал дедушка, доставая из нагрудного кармана очки и наклоняясь к Никслаусу.

– Отныне для охоты на пороховых магов мы будем использовать только их. – Никслаус посмотрел Эрике в глаза. – Больше никакого риска, что пороховой маг переиграет нас за счет своего отвратительного колдовства.

– Звучит потрясающе. – Эрике хотелось плюнуть ему в лицо.

– Возможно, я смогу заказать одно и для вас, миледи. Тогда и вы познаете радость стрельбы.

Эрика закрыла лицо, будто смутившись.

– Вы слишком добры.

– Это меньшее, что я могу. А теперь, прошу меня извинить, я должен идти к мэру. Он весьма расстроен тем, что я закрыл порт.

С этими словами Никслаус ушел, а Эрика уставилась в свою тарелку. Он вызвал подкрепление. Сколько? Сотню? Тысячу? Как только подкрепление прибудет, они обыщут весь город. Обнаружат Норрин под присмотром Сантиоль, а затем придут за Эрикой.

– Я должна уехать, – сказала она.

Дедушка осторожно постучал вилкой по тарелке.

– О?

– Я вернусь к перевалу через горы и отправлюсь в Будвил. – Это ближайший адроанский город, если путешествовать по земле. Добираться до него больше недели, но у нее нет выбора. – У Никслауса мало людей. Он не уследит за всеми городскими воротами. Если я уеду сейчас, то опережу его до того, как он додумается перекрыть перевалы.

– Полагаю, тебе понадобится моя карета? – спросил дедушка.

– Пожалуйста. – Она наклонилась ближе к нему и широко улыбнулась.

– Ты станешь кошмаром для будущего мужа. Хорошо. Я отправлю с тобой Доминика и Тирела. И конечно, Сантиоль. Себе я оставлю одного человека, а когда закончу дела, найму карету.

Эрика откинулась на спинку стула и несколько секунд смотрела на дедушку. Неужели он не видит? Это почти наверняка ловушка. Никслаус пытается вынудить ее сделать именно это, а когда она сделает, он придет за ней с подкреплением. Впрочем, он не оставил ей выбора. Она может подождать, пока он затянет петлю на ее шее, или сама спрыгнуть с табурета в надежде, что веревка порвется.

– Будь очень осторожна, – добавил дедушка. – Возвращайся живой. Ты же не хочешь, чтобы герцогство унаследовал один из твоих младших братьев, а?

– Конечно нет. Они слишком упрямые. – Эрика подмигнула деду. – Спасибо тебе огромное. Увидимся через несколько месяцев, когда я вернусь.

Норрин сидела одна в маленькой комнатке, приткнувшейся в углу постоянного двора в паре шагов от порта.

Ее мучило от городского запаха грязи и рыбы. Чтобы избавиться от него, хозяин что-то жег в комнате, но это мало помогало. Норрин казалось, что ее вот-вот стошнит.

Ее всегда мучило в лодке па. А от запаха рыбы вдвойне. Как она переживет два дня на Адроанском озере?

Сантиоль отправилась купить продукты для их короткого путешествия. Одиночество не пугало Норрин, когда она пряталась в заброшенной конюшне в поместье Леора, но здесь она занервничала. Она никогда не бывала в городе с населением больше нескольких сотен человек. Сантиоль сказала, что в Норпорте живет пятнадцать тысяч.

Пятнадцать тысяч! Большинство знакомых Норрин детей не способны даже представить такое количество. Норрин знает только потому, что ма учила ее цифрам, и все равно...

Она слезла с кровати и, поднявшись на носочки, выглянула в окно. Были видны только грязный переулочек и маленький кусочек главной улицы. Мимо проезжали повозки, проходили господа, рабочие таскали грузы из гавани.

Глухо стукнула дверь, заставив Норрин вздрогнуть. Сантиоль быстро шагнула внутрь, закрыв за собой дверь, и неодобрительно посмотрела на Норрин.

– Тебе нельзя подходить к окну. И прикрывай шею шарфом, даже когда ты одна.

– Простите, – пробормотала Норрин.

– Корабль отплывает через два часа. Мы пойдем садиться, чтобы Эрику не увидели с нами.

– Но она все равно будет на той же лодке?

– На корабле. Да, будет. Но тебе нельзя разговаривать с ней во время плавания. Собственно, если ты ее увидишь, то должна притвориться, что вообще ее не знаешь. И я тоже. Понятно?

– Да, мэм.

– Хорошо. Натяни шарф повыше и идем.

Норрин поправила куртку и шарф, чтобы скрыть клеймо, и последовала за Сантиоль по коридору, а затем в общий зал внизу.

– Не иди так близко. Ты наступаешь мне на пятки, – сказала Сантиоль.

Норрин отстала на несколько шагов и постаралась не думать о том, сколько же здесь народу. Когда ты один в лесу, знаешь, кто ты есть. Знаешь, кто враг. Но когда вокруг так много людей...

Она прижала шарф рукой. Чуть соскользнет – и кто-нибудь закричит. Любой здесь выдаст ее за вознаграждение.

Сантиоль шла с важным видом. Никто не задерживал на ней взгляд. Она выглядела очень естественной и беззаботной. Норрин поняла, что она идет с уверенностью человека, который может сразиться одновременно с двумя противниками и выйти победителем. Норрин попробовала изобразить такую же походку и подумала, что годы тренировок и шпага с пистолетом на боку сильно бы упростили дело.

Она потянулась чутьем в поисках пороха и едва не задохнулась от внезапно нахлынувших ощущений. Порох повсюду! У прошедшего мимо мужчины на боку висел заряженный пистолет. У женщины-кучера – пороховой рожок и мушкетон. Через два дома находился небольшой оружейный склад с десятками бочонков пороха.

Рот Норрин наполнился слюной. Неужели это чувствуют все пороховые маги? Как можно находиться в городе, где ощущения просто оглушают? Такое... искушение! Ей казалось, что она может просто потянуться разумом и поджечь все.

Скоро под ногами оказались доски пристани. Чем ближе они подходили к кораблю, тем сильнее билось сердце Норрин. Который из них? Сантиоль сказала, что он называется шхуна.

Сантиоль подняла руку, приветствуя направившегося к ним мужчину. Несмотря на холодный ветер с Адроанского озера, он был без рубахи. Поджарый и

крепкий. Его грудь пересекали старые шрамы, а голова была побрита налысо. Он ответил на приветствие Сантиоль.

– Боюсь, сегодня не отплывем, – крикнул моряк, не доходя до них.

– Что ты имеешь в виду?

– Только что сказали, что порт закрыт. Еще не знаю почему. Думаю...

– Ясно, – перебила его Сантиоль. – Спасибо. Мы поедем другой дорогой.

Она взяла Норрин за руку и развернулась к докам.

– Может, завтра откроют. Вы просто подождите.

– Тогда увидимся завтра, – крикнула Сантиоль через плечо.

Норрин почувствовала, как женщина внезапно насторожилась. Она шла почти на цыпочках, словно приготовилась бежать или сражаться. Они быстро покинули доки и почти пятнадцать минут петляли по городским улицам, сворачивая, казалось бы, наугад. Норрин решила, что лучше помолчать.

Наконец они остановились на углу возле маленького кафе. Сантиоль села на один из стульев снаружи и потянула Норрин на соседний, затем откинулась на спинку стула и позвала официанта, всем своим видом выражая беспечность.

Норрин попыталась повторить ее непринужденность. Она видела, как Сантиоль быстро осматривает толпу.

– Что случилось? – тихо спросила Норрин.

– Просто так порт не закрывают, – так же тихо ответила Сантиоль. К ним подошел официант. Она замолчала и заплатила за кофе для них обеих, а когда официант ушел, продолжила: – Только мэр может закрыть порт, а его доходы завязаны на торговле с Адро. Он скорее отрубит себе палец, чем закроет порт хотя бы на день. Это Никслаус.

Норрин не поняла.

– Но вы же сказали, что только...

– Избранный может почти все, дитя. А Избранный Гончих обладает королевской властью. Должно быть, он последовал сюда за нами. – Ее губы беззвучно шевелились, словно она что-то обдумывала. – Если Никслаус здесь, за герцогом Леора будут следить. И за Эрикой тоже. Я не могу рисковать и встречаться с кем-то из них, иначе приведу Гончих к тебе. – Она немного помолчала. – Оставайся здесь.

Не успела Норрин ответить, как Сантиоль уже встала и исчезла в толпе.

Норрин застыла на своем стуле. Она ждала, что Сантиоль вернется. Ждала и ждала. Подошел официант с новой чашкой кофе для Сантиоль и дружески улыбнулся Норрин. Она заставила себя улыбнуться в ответ.

Норрин подождала еще.

Стало ясно, что Сантиоль вернется не скоро. Норрин поднесла чашку к губам, сделала глоток и едва не выплюнула. Как горько!

Сколько ей ждать? Что, если Сантиоль схватили или допрашивают? Может стать, что Эрику и ее дедушку уже арестовали. Если Сантиоль решила покинуть Норрин, то придется действовать без нее. Раз порт закрыт, остается только бросить вызов горным перевалам.

Норрин прождала за столиком еще пять минут. Она откинулась на спинку стула, покачивая ногой, и улыбнулась официанту, когда тот опять подошел.

– Она сейчас вернется.

Когда он отвернулся, она перестала улыбаться и посмотрела на улицу.

В глаза бросилось цветное пятно. По улице шли солдаты в зелено-коричневой форме, и толпа расступалась перед ними. Норрин вскочила и метнулась в кафе. Возле двери она остановилась и, сцепив пальцы, вжалась в угол, откуда могла смотреть в окно, при этом – как она надеялась – оставаясь незамеченной.

Казалось, что кезанские солдаты идут за ней. Их было трое, на боках шпаги, и никаких мушкетеров на виду. Возглавлял их худощавый мужчина с тонкими светлыми

волосами, одетый в черный костюм и перчатки с рунами. Норрин попыталась не дрожать. Избранный маг.

Отряд прошел мимо кафе дальше по улице. Норрин проводила их взглядом.

– Ты раньше видела Избранных?

При звуке голоса она вздрогнула, но это оказался всего лишь официант. Норрин покачала головой:

– Нет.

– У нас они встречаются, портовый город и все такое. Знаешь, как оно бывает. Вблизи они не такие уж особенные. – Официант помолчал и добавил: – Хотя я не хотел бы разозлить Избранного.

Через несколько минут Норрин увидела Сантиоль и тихо выдохнула. Сантиоль была одна. Она с опаской приблизилась к кафе и вошла внутрь, держа руку на пистолете.

– Никслаус здесь, – сказала она, выводя Норрин на улицу.

– Недавно мимо прошел Избранный с солдатами, – отозвалась Норрин. – Должно быть, это он.

– Хорошо, что ты спряталась, – одобительно кивнула Сантиоль. – Мне потребовалось больше времени, чем я думала, чтобы незаметно переговорить с леди Эрикой. Порт закрыли, за всеми городскими воротами следят. Госпожа хочет переправить тебя в Адро по суше – через перевал на Будвил.

– Как мы выберемся из города? – спросила Норрин.

– Ночью. Лошади будут ждать сразу за стенами. – Сантиоль приподняла полу куртки: на ремне у нее висел моток веревки. – Ты не боишься высоты?

На следующий день Эрика с сопровождающими поднялись обратно в горы. Четверка лошадей везла их все выше и выше к перевалу между Норпортом и пшеничными полями Кеца, известными как Янтарные равнины. Им пришлось ехать на юго-запад, чтобы снова пересечь горы и добраться до Будвила, адроанского города на самой южной границе Кеца и Адро.

Эрику сопровождали Доминик, дедушкин пожилой кучер, и Тирел, воин, служивший семье много десятилетий.

Сантиоль и Норрин встретились с ними через два дня после отправления из Норпорта, когда они пересекали первый из нескольких высокогорных перевалов. Эрика испытала облегчение, увидев, что обе живы-здоровы, и обрадовалась, что не придется ехать одной в холодной карете.

На третий день пошел снег, а к четвертому пришлось замедлиться, иначе карета рисковала соскользнуть с горного склона. На пятый день Эрика мрачно наблюдала за снегопадом за окном. Доминик утверждал, что может ехать, если только дорога не обледенеет, но снег немного замедлит их. Если Никслаус устроил западню, к этому времени они уже наверняка попали бы в нее. Если он их преследует, то верхом его люди передвигаются быстрее, чем карета на скользких дорогах. Или она ошиблась в своих предположениях. Возможно, Никслаус ее вообще не подозревал и просто дал уйти.

Эрика не смела надеяться.

Она сойдет с ума, пытаясь предугадать его действия. Лучше не думать об этом.

– Тебе тепло? – спросила она Норрин.

Девочка кивнула. Обе были полностью укутаны в меха и одеяла. Эрика очень переживала за Доминика, который правил лошадьми, однако старик уверял, что ему весьма тепло в плаще из тюленьей шкуры. Доминик был калекой, в юности упал с

лошади и повредил левую ногу, но если кто и мог провести карету через заснеженные перевалы, так это он.

Эрика посмотрела на заживающие царапины на щеке Норрин и подумала, откуда они взялись. Возможно, на нее напал один из стражников. Или поранилась, убегая от Гончих. Эрика представила, как перепуганная, голодная и замерзшая Норрин, прячась от преследователей, забилась между корней старого дерева возле дороги и поцарапалась о камни и твердый грунт. Эрика даже вообразить не могла, насколько это ужасно, и все же девочка оставалась сильной и немногословной, готовой покорить горные перевалы пешком ради свободы.

Видит Кресимир, если Эрика сможет найти в себе хотя бы капельку этой храбрости, она станет герцогиней, с которой придется считаться.

– Как ты узнала, что ты пороховой маг? – спросила Эрика.

Несколько секунд Норрин печально смотрела на нее.

– Па учил меня стрелять из мушкета. – Она замолчала и вздрогнула, но, по-видимому, не от холода. – Это было больше года назад. Прошлым летом. Он увидел, что я выстрелила из мушкета, не нажав на спуск. Я попыталась объяснить, что это случайность.

– И он выдал тебя?

– Он не хотел. Он держал это в тайне всю зиму и весну. А летом заболел Филли, и у па не было денег на врача. Филли – мой старший брат. И па сказал, если Филли умрет, ма сойдет с ума от горя.

Значит, они выдали дочь за крупную награду. Эрика слышала похожие истории. В конце концов, у крестьян нет выбора. Если они выдают своих детей, друзей или родственников, им полагаются земли, деньги, скот. Однако если Гончие узнают, что ты прятал мага, всю семью могут отправить к палачу.

Эрика попробовала представить, как это больно, когда выдаешь собственную дочь, но испытала только отвращение к отцу Норрин.

– Ты его ненавидишь?

– Нет. С чего бы? – удивилась та.

– Потому что он... – Эрика замолчала. Девочка знала, что ее выдадут, как только поняла, что она пороховой маг. Конечно. Крестьян так воспитывают.

– Филли все равно умер, – сказала Норрин.

– Он не выздоровел?

Девочка шмыгнула носом.

– Выздоровел. Как только поправился, помог мне сбежать. Один из Гончих – жирный, которого вы убили на дороге, – проткнул его шпагой. Наверное, ма все равно сошла с ума от горя.

– Мне жаль.

В ответ Норрин пожала плечами и вытерла глаза рукавом куртки.

– А вы как узнали?

Эрика выглянула в окно. Снег как будто немного утих.

– В день, когда мне исполнилось двенадцать – почти как тебе, – приехали Искатели проверить, есть ли у меня способности Избранной. Они дали мне задания, и я их провалила. Но потом они привели порохового мага.

Она вспомнила закованного в железные наручники мага с клеймом на шее, как у Норрин. С ним обращались как с животным. Он был едва одет и вонял хуже собаки.

– Избранные не могут учуять порохового мага, – продолжала Эрика. – Это может только другой пороховой маг. Он бросил на меня всего один взгляд и сказал хозяевам, что я пороховой маг.

В награду его досыта накормили похлебкой. Эрика вспомнила, что возненавидела этого человека сильнее всех в мире. Неделями она плакала, хотя мама заверила, что ее не казнят.

– Мне пришлось предстать перед королем и поклясться перед ним и Кресимиром, что я никогда не прикаснусь к пороху. А потом меня заклеямили.

Такой боли она не испытывала никогда в жизни. И до сих пор помнила, как раскаленное железо впилося в кожу.

Эрика потрогала табакерку в кармане, пытаясь вспомнить, когда впервые нарушила обещание. Несколько лет назад. На самом деле ее никто никогда не проверял. В конце концов, какая уважающая себя кезанская аристократка пожертвует будущим ради недозволенной магии?

– И вы никогда не прикасались к пороху? – недоверчиво спросила Норрин.

Эрика улыбнулась девочке, но ничего не ответила. Можно быть доброй и без излишней откровенности.

Вдруг карета остановилась, в дверь резко постучали. Не дожидаясь ответа, внутрь нырнула Сантиоль. Захлопнула за собой дверь, потерла ладони. Ее волосы и плечи припорошил снег.

– Бездна, ну и холодрыга там.

– Как мы продвигаемся?

– Лучше, чем я ожидала. Но не так хорошо, как надеялась. Часа через три поменяем лошадей на постоялом дворе и будем ехать всю ночь.

– Вы не сможете так долго скакать верхом, – сказала Эрика. – Не в такую погоду.

– Думаю, нам лучше не останавливаться. Первую половину ночи Доминик отдохнет здесь с вами, а я буду править лошадыми. – Казалось, она хотела сказать что-то еще, но замолчала. – Мы успеем.

Сантиоль хотела выйти из кареты, но Эрика ухватила ее за куртку.

– Что такое?

– Ничего, миледи.

– Сантиоль.

Эрика постаралась говорить так же властно, как дедушка, когда слуги начинали юлить.

Сантиоль сжала губы.

– Думаю, нас преследуют.

– Вы уверены?

– Нет. Просто ощущение. – Сантиоль развела руками. – Может, это просто другие путешественники. А может, и ничего. Не беспокойтесь.

Эрика прикусила щеку. Она давно привыкла доверять интуиции наставницы.

– Хорошо. Мы будем ехать всю ночь.

К следующему полудню снег прекратился, и они смогли снова двигаться с прежней скоростью, хотя дороги были скользкими от мокрого снега. Доминик, Тирел и Сантиоль по очереди правили лошадыми и спали в карете с Эрикой.

На следующий день Сантиоль вновь отправилась на разведку. Ее не было всего несколько часов, и день только перевалил за середину, когда карета внезапно остановилась.

Эрика вышла на покрытую снегом дорогу.

– Все в порядке? – спросила она.

На козлах сидел Доминик, держа в руках поводья и кутаясь в свой тюлений плащ. Он повернулся к ней, озадаченно хмурясь.

– Доминик? – позвала Эрика.

Тирел подъехал к карете на своей лошади и нахмурился.

– Что случилось? – спросил он. – Доминик, что случилось?

Доминик молча свалился с козел. Эрика рванулась вперед, чтобы поймать его, и чуть не поскользнулась на снегу. Тирел соскочил с лошади, чтобы помочь. Вдвоем они осторожно опустили кучера на землю.

– У него какой-то приступ? – спросил Тирел.

Старик несколько раз открыл рот, прежде чем сумел выговорить:

– Кажется, меня подстрелили.

– Я не слышал выстрела, – сказал Тирел.

Эрика уловила треск дерева и посмотрела вверх. В корпусе кареты, совсем недалеко от ее головы, засела пуля. Эрика нырнула в карету и схватила шпагу.

– Сиди здесь, – сказала она Норрин.

Через мгновение она снова была снаружи, а Тирел уже достал мушкет. Сжимая оружие обеими руками, он вглядывался в горы в поисках невидимого врага.

– Нас кто-нибудь обгонял?

Эрика обнажила шпагу и бросила ножны в карету.

– Нет, – ответил Тирел.

– Значит, они позади нас.

Она повернулась к дороге и присмотрелась к месту в пятидесяти футах позади, где торчал валун.

– Собираешься стрелять из тени, как трус, или выйдешь и будешь сражаться? – крикнула она.

Часто дыша, с немеющими от холода ладонями, она ждала, что следующий выстрел поразит ее прямо в грудь. На перевале царил тишина, плавно падали снежинки. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем из-за валуна внезапно появился человек.

По росту Эрика узнала главного охотника на магов. На Дугласе была коричневая войлочная куртка под парусиновым плащом и бикорн. Лицо скрывал шерстяной шарф, но мушкет в его руках нельзя было спутать ни с чем. Именно его Никслаус с такой гордостью демонстрировал в ресторане гостиницы.

К Дугласу присоединились двое мужчин с обнаженными шпагами. Этих Эрика не узнала. Похоже, Никслаус послал других выполнять за него грязную работу. Духовое ружье держал только один – хоть какое-то облегчение.

Дуглас с опаской двинулся вперед, его товарищи по бокам.

– Опустите оружие, – крикнул он Тирелу.

– По чьему приказу? – спросил тот.

– Главы королевских охотников на магов.

Тирел задрожал, ствол мушкета заходил из стороны в сторону.

– Не слушай его, – сказала Эрика. – Он просто обыкновенный разбойник.

Тирел хмуро глянул на мужчину.

– У вас есть доказательства вашего звания?

Дуглас переложил духовое ружье в одну руку, достал из куртки белую перевязь и помахал ею.

Тирел нахмурился сильнее.

– Он из Гончих. Был в гостинице.

– Если мы сдадимся, он убьет нас обоих, – сказала Эрика.

– Вы гарантируете нам безопасность, если мы сдадимся? – спросил Тирел.

– Конечно. Опустите оружие.

– Простите, миледи.

– Тирел!

Тирел опустил мушкет и уронил его в снег. Эрика тихо зашипела.

Дуглас поднял духовое ружье и нажал на спусковой крючок. Раздался тихий хлопок, и Тирел резко вдохнул, когда его толкнуло назад. Еще один хлопок, брызнула кровь, и Тирел, вскрикнув от боли, рухнул на землю.

Дуглас направил ружье на Эрику. Она хотела метнуться в сторону, подхватить мушкет Тирела... сделать хоть что-нибудь! Но мышцы не слушались. Дуглас нажал на спуск. И ничего не произошло. Он нахмурился, хлопнул по ружью и попытался снова. Ничего.

– Не слишком-то надежные, да? – крикнула Эрика.

Слова как будто освободили ее мышцы. Она отпрыгнула в сторону, схватила мушкет Тирела и, приложив его к плечу, прицелилась, как делала Сантиоль много раз у нее на глазах. Трое мужчин уже бежали к ней, обнажив шпаги. Эрика нажала на спуск.

От выстрела приклад врезался в плечо сильнее, чем она ожидала. На короткое время все заволочло дымом, но ни один из мужчин не упал. Промახнулась. Эрика бросила бесполезное оружие и отскочила назад, одной рукой подобрав шпагу. Едкий дым щипал глаза, и она ощутила прилив сил, вдохнув пахнувший серой воздух.

Труссы. В ближнем бою ее так просто не убить. Она не может позволить – и не позволит – им забрать Норрин. Эрика резко развернулась лицом к приближающимся Гончим, как вдруг склон справа взорвался снегом.

Из снега появилась Сантиоль и атаковала трех Гончих с фланга. Первый повернулся к ней и был вынужден защищаться, отчаянно парируя удары. У Эрики не было времени наблюдать за боем – второй охотник на магов уже подбежал к ней и сделал выпад. За его спиной Дуглас словно выбирал между Эрикой и Сантиоль.

Эрике пришлось уйти в защиту. Гончий был почти одного с ней роста, но явно сильнее и имел более длинный клинок. Он уверенно наступал, а она пятилась назад, стараясь не упасть на скользкой дороге.

Она парировала один финт, затем отбила короткий удар сбоку. Ее почти прижали к карете, скоро совсем не останется пространства для маневра.

Противник подметил ее нерешительность и удвоил усилия. Шагнул в сторону, она отбила очередной удар, увидела, как Гончий открылся при атаке, и ответила прямым выпадом. Клинок вошел чуть выше сердца, прямо под ключицей. Эрика отступила, отразила слабую атаку и вонзила шпагу в сердце.

Весь бой не занял и десяти секунд. Голова гудела от порохового дыма и нервного напряжения. Эрика повернулась к Сантиоль.

Первый Гончий лежал ничком на дороге, снег под ним пропитался алым. Сантиоль и Дуглас уже обменялись ударами и разошлись: клинки подняты, дыхание вырывается облачками пара. Только когда они снова сошлись, Эрика заметила темное пятно на куртке наставницы и то, как странно она держит шпагу.

Дуглас атаковал открыто, почти лениво, благодаря росту и длинным рукам обрушиваясь на Сантиоль, как боевой конь на пехотинца.

Сантиоль отступала, с каждым разом чуть медленнее парируя удары. Она ослабела от потери крови, лицо побледнело. Дуглас беспощадно теснил ее к краю дороги, к откосу футов в двадцать.

Эрика приблизилась к Дугласу сбоку, приготовившись застать его врасплох, но Сантиоль махнула на нее рукой, стоя в ярде от обрыва. Эрика сделала еще шаг вперед. Она не допустит, чтобы Сантиоль погибла из-за проклятого упрямства. Это бой не на жизнь, а на смерть, а не поединок чести.

Шпага Сантиоль замелькала. Она отразила два быстрых выпада и стремительно контратаковала сама, так что Дуглас едва успел отбить удары. Еще один выпад, и она пробила его защиту. Шпага молнией рванулась вперед.

Но проткнула лишь воздух. С поразительной скоростью Дуглас уклонился и быстрым мощным движением пронзил сердце Сантиоль. Замерев, наставница издала один-единственный крик.

Дуглас едва успел столкнуть Сантиоль сапогом с клинка, как на него налетела Эрика.

Он парировал ее удары с той же небрежностью, что и с Сантиоль. Отбиваясь, Эрика задела острием шпаги его левое плечо.

Ей пришлось отпрянуть назад, чтобы избежать контратаки. Она остановилась в нескольких ярдах и воспользовалась возможностью взглянуть на Сантиоль. К глазам подступили слезы, при виде безжизненного тела ее решимость дрогнула.

Дуглас коснулся большим пальцем раны на плече и скривился.

– Очень небрежно. Вам следовало убить меня.

Это и было небрежно. Она позволила эмоциям взять верх, и удар вышел слишком широким. Будь у нее больше самообладания, бой уже закончился бы.

Дуглас атаковал без предупреждения. Он рванулся вперед и провел серию колющих и рубящих ударов. Эрика с трудом избежала его клинка. Она отбила одну атаку, затем вторую. Третья заставила ее отступить к самой карете, и она едва не споткнулась о труп охотника, которого убила.

Дуглас остановился и отступил. Эрика внимательно следила за ним, ожидая следующей атаки. Он не выглядел напряженным и почти не запыхался. Его усы покрылись инеем, и он смахнул с глаз длинную прядь.

– Сделайте одолжение, передохните, – сказал он.

Проклятый мерзавец играет с ней? Или он и правда не в состоянии победить ее так легко, как ему хотелось бы?

Эрика поднесла эфес к лицу в насмешливом приветствии и сделала еще несколько шагов назад. Он будет играть с ней, пока ему не наскучит, а потом убьет и оставит ее тело волкам. За спиной сел Доминик, молча наблюдая за поединком. В снегу рядом с ним сидела Норрин, зажимая его рану маленькой ладошкой. Если Эрика проиграет, Дуглас убьет их обоих.

Она сунула клинок под мышку и негнушными от холода пальцами достала из кармана табакерку. Откинув крышку, поднесла к носу щепотку пороха и вдохнула.

С быстротой молнии по телу растеклось тепло, в пальцы рук и ног вернулась чувствительность. Зрение так обострилось, что стало почти больно глазам. Она слышала медленное ритмичное дыхание Дугласа.

Глава охотников на магов осматривал нанесенную ею рану. Он поднял голову, и их взгляды на мгновение скрестились, прежде чем его метнулся к табакерке в ее руке. Дуглас склонил голову набок, а Эрика еще раз вдохнула порох и убрала табакерку в карман. В его глазах она увидела осознание – он понял, что на самом деле она нюхала не табак.

– Ах ты сука, – ощерился он, рванувшись вперед.

Как только порох проник в ее организм, скорость, которая так пугала Эрику, вдруг показалась незначительной. Она подняла шпагу и с легкостью отразила его первый выпад. Ей понадобилось еще два выпада, чтобы приноровиться к его ритму, и затем она перешла в наступление.

Даже для обостренного порохом зрения собственные движения казались Эрике ослепительно быстрыми. Она наступала, прорываясь сквозь его контратаки, не давая ему возможности нанести точный удар. Она не чувствовала ничего, даже ярости, только песню пороха в крови. Шпага звякнула об одну из пуговиц Дугласа. Эрика отступила, парировала удар, а затем вогнула клинок ему между ребер.

Даже со шпагой в груди Дуглас подался назад для удара. Эрика надавила, загоняя тонкое лезвие глубже, подошла вплотную и перехватила его руку с клинком за запястье.

– Проклятый пороховой маг, – выплюнул он ей в лицо.

Вместо ответа она повернула шпагу, заставив его закричать от боли. Тело обмякло, и Эрика отошла, нацелив острие ему в сердце. Дуглас упал на колени. Боевой дух покинул его, но он презрительно ухмылялся. Она позволила ему умереть с ухмылкой на губах.

Эрика подошла к телу Сантиоль, оно еще было теплым. Ее грудь не поднималась, сердце молчало. Эрика опустила на колени и дала волю слезам.

Вскоре к ней подошла Норрин. Девочка со слезами на глазах уставилась на тело Сантиоль и вцепилась в Эрику. Та обняла девочку.

– Доминик ранен, но говорит, что может управлять каретой, – сказала Норрин.

Эрика сама промыла и забинтовала рану Доминика. Пуля попала старому кучеру в руку, но не задела кость, так что Эрика сумела вытащить ее ножом. Обычно благородным девицам не показывали, как обрабатывать пулевые ранения, но Сантиоль хорошо учила ее.

Эрике пришлось столкнуть Сантиоль и Тирела в канаву и присыпать снегом. Оставалось надеяться, что она отыщет их, когда наступит весна. Тела Дугласа и его спутников она оттащила на двести ярдов и сбросила в глубокую расселину вместе с проклятым духовым ружьем.

Они устроили лагерь на ночь, и к утру Доминик вполне оправился. Эрика почти час просидела возле канавы, уставившись на могилу Сантиоль. Ее преследовали воспоминания о бое. Дуглас фехтовал лучше нее. Если бы не порох, они все были бы мертвы. Стоила эта девочка-пороховой маг жизни Сантиоль? Эрика сжимала шпагу наставницы – ценное оружие из лучшей старлийской стали. Нельзя такую шпагу оставлять в канаве, где ее может найти разбойник с большой дороги.

Наконец Эрика решила, что Сантиоль хотела бы закончить начатое, и заставила себя выйти из ступора. Она должна быть сильной. В конце концов, она наследница герцогства. Не годится предаваться скорби, когда до Адро еще несколько дней пути и многое поставлено на карту.

Скоро они миновали высокогорные перевалы и спустились на Янтарные равнины. Казалось, что поля и пастбища равнин, известных как житница всего Девятиземья, бесконечно простираются до самого горизонта. Эрика была рада избавиться от снега, пусть осенний воздух и оставался холодным. Норрин молчала, избегая взгляда Эрики.

Северный тракт вился вдоль подножия гор, откуда открывался вид на равнины, и забирал на север к Будвилу.

Будвил стоял между двух огромных каменных монолитов в месте, где горная цепь прерывалась большой долиной. Нижняя Адра, вытекающая из Адроанского озера, несла свои воды через город и питала Янтарную равнину. Карета пересекла реку в сумерках и начала плавный подъем длиной в милю к воротам Будвила. Ветер усилился и словно продувал стенки кареты насквозь. Эрика, высунувшись в окно, разглядывала огоньки на городских стенах.

Скоро они будут в Адро, вне досягаемости Никсласа и его Гончих. Наконец в безопасности.

Она посмотрела на Норрин. Девочка крепко спала в уголке кареты, завернувшись в меха. Она вздрогнула и застонала. Эрика поправила мех у нее на плечах. Да. Это того стоило. Девочка – пороховой маг, ее сестра по магии в стране, где быть пороховой магом означает смерть, если тебя не защищает имя могущественной семьи. От мысли о смерти Сантиоль Эрике стало не по себе. Она надеялась, что наставница осталась бы довольна, если бы увидела, что они наконец добрались до безопасного места.

– Миледи! – крикнул Доминик. – Позади всадники! Скачут быстро!

Эрика высунула голову из окна и посмотрела назад. Всадники, по меньшей мере десяток, с факелами в руках. Расстояние быстро сокращалось.

Гончие? Бандиты? Это мог быть кто угодно.

Напряжение в груди Эрики угрожало перерасти в настоящую панику. До ворот Будвила всего несколько сотен ярдов. Она зашла слишком далеко, чтобы проиграть сейчас.

– Быстрее!

Доминик погнал лошадей в галоп, и карету затрясло по грязной дороге.

– Что случилось? – Норрин проснулась от внезапного толчка.

Эрика не ответила. Она не отрывала глаз от ворот Будвила, мысленно подгоняя карету. Бросив взгляд назад, она обнаружила, что всадники приближаются слишком быстро. Они настигнут их прямо у ворот города, то есть еще на землях Кеза.

– Норрин, когда скажу, выпрыгивай из кареты.

Глаза девочки расширились.

– Как можно быстрее беги к канаве. Она глубокая и скроет тебя от факелов. Не издавай ни звука.

Норрин храбро кивнула.

– Доминик, – окликнула Эрика. – Останови карету.

– Вы уверены?

– Сейчас же!

Доминик торопливо натянул поводья, и Эрика взяла Норрин за руку.

– Выходи слева, быстро.

Девочка открыла дверь и без колебаний скрылась в канаве. Эрика взяла себя в руки, закуталась в меха и с показным безразличием откинулась на спинку сиденья. Через несколько мгновений раздался стук копыт, всадники окружили карету и начали кричать на Доминика.

Дверь кареты резко распахнулась, и Эрика встретила глазами с герцогом Никслаусом. На кончиках его пальцев в перчатках плясало магическое пламя, отбрасывая тени на лицо. Эрика отшатнулась.

– Милорд Никслаус, это вы? – спросила она.

Пламя исчезло. Герцог сорвал с Эрики одеяло и перевернул кучу меха в другом углу.

– Почему вы погнали, когда увидели нас?

– Милорд? Вы меня жутко напугали. Мы думали, на нас опять напали разбойники.

– Где она?

– Кто?

Никслаус гневно сжал челюсти. Исчезли любые намеки на вежливость и обходительность.

– Вы прекрасно знаете кто.

– Не знаю! – Сердце Эрики колотилось как сумасшедшее. Она стискивала руки, чтобы они не дрожали. – Если вы ищете Сантиоль, то ее, а также Тирела, одного из людей моего деда, убили разбойники на перевале.

В ее голосе прорвалась паника, и Эрика заставила себя заплакать, как женщина, которая вот-вот впадет в истерику.

Сейчас единственный выход – делать вид, что она ничего не знает.

Никслаус перестал стискивать зубы и отошел от кареты посоветоваться с одним из своих людей.

– На вас напали разбойники? – спросил он, вернувшись.

– Да! Пятеро грязных ублюдков. Они застрелили Тирела и ранили Доминика. Сбежали только после того, как Сантиоль убила двоих и я одного. Сантиоль умерла от ран.

– Вы дрались с ними?

– Мне пришлось! – притворно оскорбилась Эрика. – Мы сражались за свои жизни.

Никслаус немного подумал.

– Трое моих людей пропали. Они ехали по той же дороге, что и вы.

– Скорее всего, попали в засаду к той же банде, что напала на нас.

Эрика глубоко дышала и пыталась взять себя в руки – ее истерика была притворной лишь наполовину.

– Разбойники, – ровно произнес Никслаус. – Как в лесу вашего деда. Его тон говорил о том, насколько «убедительной» он считает ее историю. Эрика подалась вперед, выпятив подбородок.

– Королю надо бы навести порядок на своих дорогах, – выпалила она. – Сколько людей вы уже потеряли, пятерых? И Сантиоль, и Тирел служили моей семье десятилетиями. Их невозможно заменить.

Никслаус презрительно фыркнул и снова отошел от кареты.

– Обыщите поля и канавы вдоль дороги, – услышала Эрика его слова. – Допросите кучера.

– Милорд, может, убить обоих? – спросил кто-то шепотом, видимо, подумав, что Эрика слишком измотана, чтобы слышать.

– Идиот, мы в двух шагах от стен Будвила, – прошипел в ответ Никслаус. – Найдется десяток свидетелей.

Доминику задавали вопросы, но старик прекрасно играл свою роль. Эрика с тревогой наблюдала за тем, как люди Никслауса, высоко держа факелы, обыскивают прилегающие поля и шарят в канавах. Она судорожно сжимала рукоять шпаги и размышляла, сможет ли достаточно быстро обнажить ее и убить Никслауса, прежде чем тот воспользуется магией Избранного.

Минут через десять Никслаус вернулся к карете. Забрался внутрь и сел напротив Эрики, в точности на то место, где четверть часа назад спала Норрин. Отсветы факела за окном придавали его лицу потусторонний вид.

– Вы не спросили, почему мы вас задерживаем, – спокойно проговорил он.

На лбу Эрики выступил холодный пот.

– Наверняка у вас есть веская причина. Вы ведь служите королю. – Ее голос дрожал.

– Действительно. Сейчас я вас отпущу, но имейте в виду, миледи, я буду следить за вами. И если вы решите сыграть со мной еще раз, я преподнесу вашу голову королю.

На украшенных рунами перчатках появились язычки синего пламени и затанцевали, как свечи на ветру. Никслаус побарабанил пальцами по стенке кареты, оставляя черные подпалины.

– Я не понимаю, в чем вы меня обвиняете.

– Думаю, понимаете.

Никслаус выбрался наружу, оставив Эрику наедине со стуком собственного сердца.

Топот копыт растаял вдали, но из окна Эрика видела, что люди Никслауса продолжают обыскивать поля вверх и вниз по дороге. Подошел Доминик, прижимая раненую руку к телу.

– Миледи, у вас все в порядке?

– Ты хорошо справился, – кивнула она. – Спасибо.

– Рад помочь. Мы не можем рисковать...

Эрика молча вознесла молитву за Норрин.

– Знаю. Едем в город.

Норрин скатилась на дно канавы, тянувшейся вдоль дороги.

Не успела она отойти от кареты и на десяток шагов, как уже перепачкалась в грязи. Из канавы не было видно ни дороги, ни кареты – ничего, кроме неба над головой и факелов у ворот Будвила вдали. Спрятаться совершенно негде. Воды по щиколотки, а склоны слишком скользкие, чтобы выбраться наружу. На этот раз Гончие не проявят небрежности. Норрин вспомнила, как Сантиоль предупреждала ее

не доверять удаче после того, как Гончие не нашли ее в поместье Леора. Теперь Сантиоль мертва, и Норрин боялась, что скоро присоединится к ней.

Она услышала топот копыт и сердитые крики.

Они найдут ее. И убьют. Как убили Филли. Как убили Сантиоль.

Оставалось только бежать, как бежит загнанное животное под конец охоты.

Она двинулась вперед, спотыкаясь и поскальзываясь, стараясь не врезаться в скользкие стены канавы, чтобы не оставлять следов. Они уже должны догнать карету. Сначала обыщут Эрику, а потом станут искать вдоль дороги.

Они ее найдут. Не «если», а «когда». Ворота Будвила казались невозможно далекими, на стенах на фоне ночного неба дразняще мигали огни факелов. По щекам Норрин побежали слезы. Вода с грязью хлюпали в сапогах и покрывали ее с головы до ног, всю одежду, что дала Эрика.

Если Норрин не удастся сбежать, то и Эрике тоже. Норрин должна сбежать. Не только ради себя или Филли, не из-за самопожертвования Сантиоль, но ради Эрики.

Сколько еще? От грязи щипало глаза. Она споткнулась и вслепую полетела вперед, стараясь не издать ни звука.

Грубые руки подхватили ее под мышки и подняли из канавы. Она в панике замолотила руками, пытаясь дотянуться до кармана, где лежал перочинный нож. Нужно вырваться. Нельзя подвести ни себя, ни Эрику.

Из-за нее убьют их обеих.

Карета Эрики подъехала к воротам через несколько минут после отъезда герцога Никслауса. Доминик остановил лошадей сразу за воротами, и Эрика по каменным ступеням поднялась на стену, не обращая внимания на любопытный взгляд адроанского солдата в синем мундире.

Люди Никслауса никуда не уехали. Они обыскивали все по кругу, постепенно расширяя его, и еще раз осматривали канавы. Если сейчас они найдут Норрин... Эрика не хотела думать об этом. Ей в Адро ничего не грозило, а вот дедушка поплатится.

К ней присоединился капитан стражи. Эрика повернулась к нему, заметив, что он один. Может быть, она не в такой безопасности, как думала.

– Капитан, что-то не так с моими бумагами? – спросила она на адроанском.

– Вовсе нет, леди Эрика. – Он облокотился на стену, наблюдая за людьми Никслауса. – У вас проблемы? Мы уже собирались выслать отряд узнать в чем дело.

– Это не кончилось бы ничем хорошим. Охотники на магов. Лучше не затевать международный скандал на землях Кеза.

– А. – Капитан внимательно посмотрел на нее. – Значит, к лучшему. Я рад, что вы добрались сюда невредимой. Пожалуйста, прикажите своему кучеру развернуться и встать около караульной будки. У меня для вас посылка.

– Простите?

В чем дело? Что-то еще? Еще одна ловушка?

– Думаю, вам лучше идти. Кое-кто оставил вам подарок возле ворот. Заберите его, когда будете выходить.

Ее присутствие – или скорее присутствие Гончих у самых ворот – заставляло капитана нервничать.

– Благодарю вас, я заберу.

Эрика бросила последний взгляд на Гончих и спустилась со стены. Она велела Доминику развернуться и подъехать к караулке. Им пришлось подождать, пока капитан подошел к окну кареты.

– Вот, – сказал он, открывая дверь.

Эрике потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что капитан говорит не с ней. В карету забралась Норрин и устроилась на сиденье напротив Эрики. Ее куртка исчезла, взамен появился старый адроанский мундир. Шарфа, который прикрывал клеймо, тоже не было.

– Она немного перепачкалась, пока удирала, – сказал капитан. – Мы как могли почистили ее сапоги, но куртка совсем испорчена.

Эрика не знала, что сказать.

– Спасибо.

– Благодарите не меня. Благодарите капитана Тамаса. Он приезжает раз в несколько месяцев и каждому на стенах Будвила привозит новые сапоги и бутылку портвейна. Взамен мы высматриваем определенных... беглецов. Рады оказаться полезными, миледи.

Он приподнял шляпу, шагнул назад и закрыл дверь.

– Ты в порядке? – тут же спросила Эрика у Норрин. – Они тебя не обидели?

Норрин покачала головой:

– Они были очень добры.

– Как ты добралась до ворот?

– Я спряталась в канаве, но решила, что нельзя отсиживаться. И пошла по дну. Там было много воды, так что следов не должно остаться. Солдаты на стене увидели меня и вышли, чтобы забрать.

Эрика кивнула. И правда, очень добры. Хоть пороховые маги в Адро не считаются преступниками, их тоже не особенно любят. Кто такой этот капитан Тамас? И почему он заботится о кезанских пороховых магах?

Эту загадку придется отложить на другой день. Эрика чувствовала, что возбуждение, которое поддерживало ее со времени отъезда из дедушкиного поместья, уступает место истощению. Она привалилась к стенке кареты и задремала, мечтая о теплой постели.

Разбудили ее голоса. Голоса и свет. Ее моментально охватила паника, и она резко села, на шаривая шпагу.

Шпаги не было, отчего отчаяние только усилилось. Веки казались невозможно тяжелыми, а тело вялым. Она судорожно искала оружие. На плечо легли сильные ладони, и чей-то голос окликнул по имени. Эрика тряхнула головой, пытаясь понять, в чем дело, и наконец догадалась.

– Отец? – спросила она.

Ее затрясло, и руки не отпускали ее, пока она не успокоилась. Лорд Пенсброк, ее отец, в конце концов отошел, и она смогла осмотреться. Она находилась в гостиной их дома в Будвиле. Рядом стоял отец в одной пижаме. Он был высоким мужчиной с широкими плечами и аккуратно подстриженной черной бородкой.

– Это я, дорогая. – Отец взял ее за руку. – Ты в безопасности.

От беспокойства в уголках его глаз появились морщинки.

– Папа внес тебя в дом. Ты проспала здесь два часа, – сказала мать. – Ты не засыпала так крепко с тех пор, как была ребенком.

Эрика вытянула шею и увидела мать, сидевшую на краешке кушетки позади. Она была одета для игры в карты с друзьями: алое вечернее платье, волосы убраны в прическу. Она и сама была высокой женщиной, но рядом с лордом Пенсбромом казалась маленькой.

Эрика смутно припомнила шум и ощущение движения, но решила, что просто едет в карете.

– Как я... Подождите. – Она попыталась собраться с мыслями. – Я думала, что вы в Адопесте.

– Мы там и были, – сказала мать. – Мы приехали на маскарад барона Илдаля.

– Я ехала в Адопест, – объяснила Эрика. – Дедушка хотел посадить меня на корабль в Норпорте, но гавань закрыли, и... – Она замолчала, увидев странное выражение на материнском лице.

– Мы знаем, дорогая. Доминик нам рассказал. Он рассказал нам все.

– Все?

Конечно, он рассказал. Доминик не стал бы им лгать.

Она ждала от родителей ответа и пыталась придумать какое-нибудь объяснение. Они переглянулись, отец подошел к двери. Открыл ее, осмотрел коридор, вернулся и кивнул матери.

– Девочка в безопасности, – сказала мать.

– Норрин.

– Да. Норрин в безопасности. Я знаю дома для таких детей в Адопесте. Кезанские охотники на магов ее не достанут.

Отец смотрел на Эрику с выражением, какое обычно приберегал для нагоняев Жаколе или Камениру. Однако он промолчал и дал матери знак продолжать.

– Мы приняли решение.

Эрика заерзала, все еще пытаясь разогнать туман в голове.

– Какое?

Ее оставят в Адопесте? Или отправят за границу? Они могут придумать что угодно, и отец явно не в восторге от того, что она натворила.

– Поскольку Сантиоль погибла, тебе нужен новый наставник.

– Так скоро?

– Да, – ответил отец чересчур угрюмо.

Мать взглянула на него и продолжила:

– Мы решили, что для твоей же безопасности тебе нужно учиться пороховой магии.

– Это абсурд! – Эрика пожалела о своих словах, как только они сорвались с губ.

– Я поклялась перед королем!

Клятву она нарушала много раз, экспериментируя с порохом.

– Мы будем соблюдать строжайшую секретность, – сказал отец.

– Ты только наполовину кезанка, – добавила мать, взглянув на отца. – И будешь держать слово на земле Кеза. Но здесь, в Адро, ты научишься управлять и пользоваться своей силой. Доминик рассказал, как ты победила главного охотника на магов. При правильном обучении ни один кезанец не будет представлять для тебя угрозу. А это пригодится, когда ты унаследуешь земли и титулы деда.

– Кто станет меня учить? – спросила Эрика. – Вряд ли кто-то известный. Даже здесь, в Адро, пороховые маги не слишком любят распространяться о своих способностях.

– Есть один человек. Он капитан адроанской армии. Из низов, но ты понимаешь, что такое армия. Чтобы подняться хотя бы до капитана, он должен быть весьма выдающимся.

– И кто он?

– Его зовут Тамас.

Тамас. Не это ли имя назвал капитан стражи?

– И он согласен меня учить?

Как он так быстро согласился? Если только родители не обдумывали это еще до приезда Эрики.

– Мы еще не спрашивали его, – сказал отец. – И мы не знаем, согласится ли он. У него сомнительная слава человека, который ненавидит аристократов.

Мать не выглядела слишком обеспокоенной.

– Ты сама его попросишь, – сказала она.

Чем больше Эрика думала об этой идее, тем больше она ей нравилась. Она помнила силу, что струилась в ее крови, когда она вдохнула порох, чтобы сразаться с Дугласом. Она знала, как порох обострил ее чувства и сделал быстрой. Насколько она понимала, пороховой маг способен на гораздо большее.

– Я отправлюсь в Адопест и встречу с ним лично, – сказала она.

– Вообще-то он в Будвиле, – поправила мать. – Завтра ночью он будет на маскараде.

Эпилог

Норрин нравилась новая семья.

Ее отдали на воспитание фермеру к юго-западу от Адопеста. Старик настаивал, чтобы она называла его «папа», а его жена сразу начала учить Норрин адроанскому. У них было трое своих детей, но все выросли и уехали с фермы, и старикам, похоже, нравилась компания.

Норрин пробовала спрашивать про Эрику, но ни папа, ни его жена Мадия ничего не знали о ней и на все вопросы Норрин только качали головами.

Так прошла зима в Адро, и наступила ранняя весна. Папа и Мадия отпраздновали тринадцатый день рождения Норрин новой куклой и сладким печеньем. Она помогала на ферме и сблизилась с новой семьей, даже подружилась с двумя мальчишками с соседней фермы. Со временем она все меньше вспоминала о своем старом доме, хотя частенько желала, чтобы Филли все еще был жив и мог приехать к ней.

Однажды утром Мадия с торжественным выражением лица разбудила Норрин и велела одеться для похода в лес.

Папа отвез ее на несколько миль от фермы к краю огромного западного леса. Быки потащили телегу дальше, в глухую чащу, и Норрин заметила, что папа не насвистывает как обычно, когда управляет телегой.

Похолодало, и Норрин вспомнила, как бежала через леса северного Кеза до того, как Эрика ее спасла. Она сдержала порыв потерять ступни – на них еще оставались шрамы от того испытания – и поплотнее закуталась в куртку.

– Папа, – сказала она на ломаном адроанском. Мадия разговаривала на кезанском, но папа не знал ни слова. – Куда мы едем?

– Еще немножко, – тихо ответил тот.

Телега проехала поворот, и Норрин увидела заросшую травой поляну. Она уловила запах костра и увидела привязанную к дереву лошадь, на шее у которой висел мешок с сеном.

Папа остановил быков и с доброй улыбкой повернулся к Норрин.

– Не бойся.

«Чего?» – хотела спросить она. Но папа уже слезал с телеги. Он пересек дорогу и знаком позвал Норрин за собой. Мгновение она колебалась, испытывая те же тревогу и страх, что мучили ее во время побега от охотников на магов. Что происходит?

Рядом с костром стоял на коленях молодой офицер. Когда папа приблизился, он встал. Они пожали друг другу руки и обменялись несколькими словами. На мужчине была адроанская форма – темно-синяя с серебряным галуном и алым воротником. Он был выше папы, выше Сантиоль, и стройным, как молодая ива. Чисто выбритое лицо и идеальный пробор в черных волосах.

– Подойди, девочка, – сказал он по-адроански, резко и четко.

Норрин пересекла дорогу и подошла, готовая в любую секунду сбежать. Кто этот человек? Чего он от нее хочет? Она потянулась вперед чутьем и почувствовала,

что у него есть порох. Много патронов и полный пороховой рожок. Еще один висел на седле лошади. Пистолет на поясе заряжен, как и пристегнутый к седлу карабин.

Мужчина слегка приподнял уголок губ.

– Она не будет очень сильной, – проговорил он на адроанском. – Однако мне сказали, что у нее сильный характер. – Неожиданно он перешел на кезанский. – Девочка, ты знаешь мой язык или предпочитаешь, чтобы мы говорили на кезанском?

– На кезанском, – сказала Норрин.

Он кезанский шпион? Переодетый Гончий? Она напрягла мышцы, приготовившись бежать в лес. Она может поджечь его порох, убить его и сбежать. Это ее единственный шанс.

– Значит, кезанский. – Взмахом руки мужчина отпустил папу, и тот развернулся к телеге.

Дыхание Норрин участилось.

– Папа? Ты куда?

– Я побуду тут, пока ты не закончишь, – мягко ответил он.

– Закончу что?

– Со мной.

Норрин обернулась, и мужчина оказался прямо перед ней, на расстоянии вытянутой руки. На вид он был не старым, самое большее – тридцать лет, но она различила морщинки на его лице и обветренную кожу.

– Чего вы хотите? – прошептала она.

С серьезным лицом он сунул руку в нагрудный карман, достал патрон и протянул ей на ладони.

– Я хочу, чтобы ты показала мне, что умеешь.

Неожиданно патрон разорвался, порох внутри засветился и заискрил, и белая бумага начала скручиваться, медленно сгорая, пока не осталось ничего, кроме пепла и серного запаха сгоревшего пороха.

У Норрин округлились глаза. Пороховой маг.

– Меня зовут капитан Тамас. Один мой друг попросил, чтобы я научил тебя использовать твою силу, и поскольку в настоящее время я служу неподалеку... – Уголок его губ опять приподнялся. – Твое обучение начинается сегодня.